164
233.

ЛБ4/233 9(497)/С-34

С. Сигрист

У ПОРОГА ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

БАЛКАНЫ, КАК ОЧАГ ЕВРОПЕЙСКИХ СТОЛКНОВЕНИЙ

Фундаментальная Библиотека К. . В.
ПОГАШЕНО
Проверено 1937 г.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
СЕЯТЕЛЬ
Е. В. ВЫСОЦКОГО
ПЕТРОГРАД
1924

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
№ 52304

Типография Коминтерна.
Петроград, Екатерингофский пр., 87

Петрооблит № 10.072. 2.000 экз.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Введение	5
Проекты раздела Балкан	15
Балканские государства до войны 1912—1913 гг.	
Турция	21
Румыния	34
Болгария	39
Сербия	44
Черногория	53
Греция	56
Возникновение Балканского союза	63
Война против Турции и отношение к ней великих держав	74
Дипломатическое соперничество России и Австро-Венгрии	80
Распад союза, вторая война и ее последствия	85
Мирные трактаты 1913 года	90
Новое государство Албания	93
Результаты балканских войн и положение к 1914 году	95
Балканы и мировая война	104
Литература	115

ВВЕДЕНИЕ.

Второе десятилетие нашего века сделало нас свидетелями и участниками давно не виданных в культурной Европе событий. Великие и малые державы вступили в кровавую борьбу, вызвавшую в ряде стран социальные потрясения, в корне изменившие веками сложившийся государственный строй. Исчезли одни государства: Австро-Венгрия, Черногория, возникли другие: «страны-наследницы» Габсбургской монархии, выросшие на ее развалинах, «окраинные» государства Балтийского побережья, Польша. Страны-победительницы пережили и сейчас еще переживают тяжелый экономический кризис, а о разорении побежденных стран и говорить не приходится. В результате понизился престиж европейских наций и возросло политическое и экономическое значение Северо-Американских Соединенных Штатов и Японии. Народное хозяйство Европы подорвано и на мировом рынке горделиво выступают ее заокеанские конкуренты, ибо разорение Европы сопровождалось сказочным ростом богатства не только Соединенных Штатов и Японии, но и скромных республик Южной и даже Средней Америки.

Великая война разделяет новейшую историю на две эпохи, служа кровавым рубежом между ними. Вот почему невольно внимание останавливается на изучении причин, вызвавших это бедствие, и обстоятельств, ему предшествовавших. Дипломатическая история последних лет перед роковым 1914 го-

дом показывает, что очагом войны явился Балканский полуостров, представлявший собой в продолжение нескольких десятилетий тлеющий костер.

Нигде так сильно, как на Балканах, не ощущалось всеобщее недовольство теми государственными границами, которыми отделялись народы друг от друга.

В последний раз в 19 веке коренное переустройство политических отношений на полуострове было задачей Берлинского конгресса 1878 г., призванного, как и все конгрессы, разрешить ожесточенные споры, сгладить серьезные разногласия и примирить противоречивые интересы. Работа этого конгресса никого не удовлетворила.

Великие державы были недовольны своими делегатами на конгрессе и считали их работу весьма неудачной. В России на конгресс смотрели, как на жестокое поражение, за которое надо со временем взять реванш; в Вене и Буда-Пеште указывали, что захват Австро-Венгрией Боснии и Герцоговины усилит в империи славянский элемент в ущерб германскому; германские консерваторы считали, что пристрастие Бисмарка к австро-венгерскому канцлеру Андраши нанесло удар традиционной русско-германской дружбе, которою они так дорожили, как оплотом консерватизма; Англия опасалась создания в отошедшей к России части Армении базы для ее дальнейших территориальных захватов; Франция и Италия не получили никаких компенсаций за приращения России и Австро-Венгрии. Но еще более имели оснований жаловаться балканские государства. Турции пришлось расстаться с Боснией, Герцоговиной и Кипром, которые Россия оставила после войны за своим разбитым противником; сербы оплакивали крушение своих планов о «великой Сербии» с Сераево, Мостаром и Ипеком; созданная русскими Болгария была раздроблена на три части, причем одна из них, Македония, осталась за турками; Румыния потеряла свои Бессараб-

ские земли. Поэтому естественно, что балканские правительства мечтали расширить свои владения при первом удобном случае.

На это их толкали важные экономические факторы, значение которых не следует преуменьшать.

Болгарам не только важно было присоединить к себе единое с ними в религиозном и племенном отношении население Македонии, но и увеличить свое благосостояние эксплоатацией плодородной почвы восточной Македонии. Народное хозяйство Болгарии построено почти исключительно на земледелии, садоводстве и огородничестве, причем северная Болгария беднее южной, так называемой Восточной Румелии, а Македония открывала широкие перспективы в деле создания культурного сельского хозяйства при интенсивной обработке ее плодородных земель. Затем в интересах организации экспорта продуктов сельского хозяйства Болгарии важно было иметь свой порт на Эгейском море. В этом отношении самым заманчивым объектом являлся первоклассный порт Салоники, один из главных центров торговли в восточной части Средиземного моря со 140 тысячным населением, второй по величине и значению город Европейской Турции. Но на Салоники предъявляла аналогичные притязания Греция, державшая в руках своего купечества морскую торговлю всего побережья Эгейского моря; для греков Македония представляла интерес не только в силу этнографических причин. Ей важно было не допустить на место слабой Турции появления на побережье экономически крепнущих славянских стран; поэтому она не уступила в 1913 году Болгарии не только Салоник, но и Каваллы, и была недовольна тем, что за болгарами остался выход к морю через второстепенный незначительный порт Деде-Агач.

Для Сербии было невозможно самостоятельное экономическое развитие без территориального доступа к Адриатическому

морю. Весь сербский экспорт на сумму до 40 миллионов зол. рублей шел или в Австрию или через Австрию, которая со своей стороны наводняла Сербию своими изделиями и диктовала ей цены на ее быстро развивавшийся экспорт зерновых хлебов, свиней, кож и фруктов; введение боевых пошлин со стороны Австро-Венгрии могло бы в любой момент нанести сильный удар экономическому благосостоянию Сербии. Недаром сербы так приветствовали в 1908 г. проект постройки Дунайско-Адриатической железной дороги, которая дала бы выход сербскому экспорту на берега Адриатики и позволила бы установить непосредственный товарообмен с Италией и странами Запада. Одновременно сербы стремились захватить Старую Сербию и Западную Македонию с выходом на Салоники, который открывал сербскому экспорту новые не менее широкие перспективы.

Экономическая зависимость Черногории от Австро-Венгрии, объяснявшаяся отсутствием на территории маленького государства достаточной площади пахотных земель, прекратилась бы с присоединением территории Новобазарского санджака, на который черногорцы издавна претендовали.

Экономические факторы играли меньшую роль в румынской политике благодаря удобному географическому положению Румынии, позволявшему вести оживленную торговлю с Австро-Венгрией, Сербией, Болгарией и Россией. Румынские нефтяные месторождения, являясь приманкой для иностранного капитала, дали толчок развитию промышленности; вывоз достигал до 170 миллионов золотых рублей при ввозе в 140 миллионов. Но в дальнейшем Румыния стремилась добиться отмены интернационализации нижнего Дуная, ограничивавшей ее права прибрежного государства и заставлявшей страдать от эксплоатации иностранцами Дуная,—однако в этом направлении усилия румын были тщетны.

Таковы были экономические причины, заставлявшие балканские страны стремиться к расширению своих территорий. Они уже сами по себе могли явиться причиной войны. Достаточно вспомнить о Салониках, яблоке раздора между Грецией и Болгарией, отчасти Сербией и, конечно, веками владевшей этим портом Турцией. Но положение осложнялось соперничеством между великими державами. Австро-Венгрия вела оживленную торговлю со всеми балканскими странами, являясь местами монополистом. В интересах дальнейшего завоевания ближневосточных рынков ей важно было соединить свою железнодорожную сеть с Митровицами, откуда шла железная дорога на Салоники. Прочно осесть в Македонии Австро-Венгрия могла только путем территориальных захватов, чем объясняется аннексия Боснии, создание эфемерного албанского княжества и попытка оккупации Сербии, приведшая к мировой войне. Австро-Венгрию поддерживала союзная ей Германия, интересовавшаяся Балканами в целях создания сплошного рельсового пути Гамбург — Багдад. Осуществляя этот грандиозный план, немцы не только экономически поглощали Турцию, но и стремились захватить политическую власть в ее столице.

Австро-Венгрия встретила в западной части полуострова серьезного соперника в лице Италии, которая стремилась вытеснить австрийские товары с балканских рынков и эксплоатировать самой естественные богатства Албании, на которую Вена и Рим одинаково смотрели, как на будущую колонию.

Россия тщетно пыталась конкурировать на балканских рынках со своими западными соперниками, но для нее имели огромное значение Балканы со стратегической точки зрения, как подступы к проливам. Мечтой русской дипломатии был захват Босфора и Дарданелл, через которые проходило в последние годы до 90% русского хлебного экспорта, но для того, чтобы не допустить к проливам другие великие державы,

Россия должна была бороться с попытками этих держав утвердиться на полуострове. Этим объясняется австро-русская борьба за преобладание на Балканах, осложненная с 1913 года русско-германской борьбой за проливы, перешедшие столь неожиданно во власть германского генерала.

Система европейских блоков «Тройственного Союза» и «Тройственного Согласия» неминуемо превращала вооруженный конфликт между Россией и Австро-Венгрией или Германией в обще-европейскую войну.

Настоящий очерк имеет задачей проследить политическую борьбу балканских стран между собою, переплетавшуюся с аналогичной борьбой между великими державами на территории юго-восточной Европы, где сталкивались русские притязания на проливы с германским проектом Гамбург—Багдадской дороги и австрийским тяготением к Салоникам.

Надлежит иметь в виду, что балканские страны, вопреки распространенному мнению, вовсе не были покорными вассалами той или иной великой державы: наоборот, они обычно вели вполне самостоятельную политику, опираясь на ту державу, чья поддержка казалась им в данный момент выгодней. Как только их пути с такой великой державой расходились, они переходили на сторону ее врагов, давая повод обвинениям в измене; так, Болгария переменила в 1913 году ориентацию с России на Австро-Венгрию, а Румыния поступила как раз наоборот, перейдя от Австро-Венгрии к России. Это была политика национального эгоизма, идущего на ту или иную политическую комбинацию только до тех пор, пока таковая соответствует интересам страны с точки зрения ее правительства, чем и объясняются частые перемены в политических группировках на Балканах в рассматриваемый период.

Начало двадцатого столетия застает Европу разделенной на две коалиции: тройственный Союз из Германии, Австро-

Венгрии и Италии, и франко-русский союз. В первые же годы царствования короля Эдуарда VII Англия выходит из своего прежнего изолированного положения и вступает в союзные отношения с франко-русской коалицией, создавая тем самым «Тройственное согласие». Этапами на этом пути являются англо-французское соглашение 1904 г. и англо-русское соглашение 1907 г.

Наличие этих двух коалиций превращало всякий конфликт между двумя великими державами в столкновение между коалициями, к которым эти державы принадлежали. Так, франко-германское соперничество в Марокко привело к сильному дипломатическому кризису, грозившему общеевропейской войной. На ряду с франко-германским соперничеством в Северной Африке шла англо-германская борьба за морское могущество, осложненная спорами о Месопотамии, и русско-австрийская борьба за преобладание на Балканском полуострове.

Казалось, что разделение Европы на две коалиции вполне соответствует столь популярному еще от времен Вестфальского трактата 1648 г. принципу политического равновесия. Многие политики считали, что разделение Европы на два лагеря является гарантией мира, так как одна из коалиций дает отпор аггрессивным стремлениям другой; при этом указывалось, что каждую из шести великих держав Европы удерживает от слишком воинственных выступлений необходимость заручиться предварительно согласием и поддержкой тех двух великих держав, которые принадлежали к данной коалиции.

На самом же деле образование двух постоянных коалиций, не уничтожая причин соперничества между державами, сделало невозможным локализацию конфликтов в виде поединка между двумя только державами (как война 1870—71 гг.). Наоборот, как отмечено выше, столкновение двух держав

грозило общеевропейской войной. А ведь конфликты между державами происходили в 20 веке крайне часто, почти ежегодно: в 1901 г. англо-германский спор относительно Багдадской дороги, в 1902—3 гг. смуты в Македонии, в 1905—6 гг. Марокккский кризис, в 1908 г. аннексия Боснии и Герцоговины, в 1909 г. Агадир, и т. д.

Балканский вопрос постоянно грозил общеевропейскими осложнениями, поэтому необходимым условием сохранения европейского мира считали всегда охрану того положения вещей, которое было создано Берлинским трактатом 1878 г. Всякое изменение установившегося положения (объединение Болгарии с Восточной Румелией в 1885 г.) вызывало беспокойство великодержавной дипломатии. Охрану statu quo имели в виду соглашения между двумя главными соперниками на Балканах, Россией и Австро-Венгрией, заключенные в 1897 г. в Петербурге и в 1903 г. в Австрии в Мюрцштеге. Балканские войны 1912—13 г.г. изменили соотношение сил на Балканах, а следовательно и в Европе; соперничество между Россией и Австро-Венгрией обострилось настолько, что война между ними оказалась неизбежной, и в эту войну постепенно были втянуты почти все государства Старого и Нового Света.

При этом интересно отметить, что в австро-русском сотрудничестве на полуострове экономические факторы почти отсутствовали; балканские страны потребляли исключительно изделия германской и австрийской промышленности, и редкие попытки русских коммерсантов завоевать этот рынок не давали положительных результатов. Вывоз сырья (кож, свиней, сыров, фруктов) направлялся также на запад и северо-запад. Путем концессий в Сербию и отчасти в Болгарию и Румынию проникали по преимуществу австрийские капиталы, в разработке естественных богатств Греции участвовали лондонские предприятия, в турецких владениях прочно осели француз-

ские фирмы, боровшиеся с постепенным распространением германского промышленного капитала. Россия стояла в стороне от этого экономического состязания более мощных в финансовом отношении держав Запада; ее балканская политика диктовалась другими императивами: в силу идеологических и экономических побуждений русская дипломатия стремилась к верховенству над проливами, для чего ей было важно закрепить свое политическое влияние в балканских странах, отделяющих Босфор и Дарданеллы от враждебных России держав Тройственного Союза; несомненно также влияло на русскую политику старое славянофильское воззрение, предрекавшее России политическую гегемонию над свободными от иностранного сюзеренитета славянскими народами. На этом пути Россия сталкивалась с Австро-Венгрией, правящие сферы которой видели цель отечественной политики не в извлечении доходов от товарообмена с балканскими странами, не в мирном проникновении своих капиталов в зарождавшуюся балканскую промышленность, а в постепенном подчинении добившихся так недавно независимости наций своему сюзеренитету. Борьба обеих держав, приведшая в 1914 году к войне, втянула в эту войну прочие державы, игравшие до сего времени роль мало заинтересованных секундантов обеих сторон при австро-русских дипломатических столкновениях.

Поводом к войне явились выстрелы в Сараево 15 июня 1914 г., жертвой которых пал австро-венгерский наследник престола, но прелюдией войны между великими державами Европы были кровавые битвы на Балканах, сопровождаемые дипломатической борьбой между теми же великими державами.

Поэтому исследование балканской истории начала 20 века является необходимым для изучения истории мировой войны.

Задавшись целью изложить балканские события, приведшие к мировой войне, я дополняю настоящую работу кратким очерком, относящимся непосредственно к эпохе войны, дабы проследить новейшую историю полуострова после 1914 г. В отличие от предыдущих, последняя глава не основана на изучении первоисточников, для разработки которых еще не настало время.

Проекты раздела Балкан.

Идея войны против Турции, с целью освободить из под оттоманского владычества ее христианских подданных Балканского полуострова, была в течение нескольких веков весьма популярна в политической литературе европейских народов.

Ей непосредственно предшествовала идея завоевания Балкан западными державами, как необходимый этап на пути к завоеванию Святой Земли; появление подобных проектов было прямым последствием неудачи Крестовых походов, особенно четвертого, закончившегося созданием Латинской империи на территории Византии.

В 1306 г. Пьер дю Буа говорит, ссылаясь на опыт четвертого крестового похода, о необходимости для крестоносцев оккупировать Византию прежде, чем завоевывать манившую к себе крестоносцев Сирию.

В 1311 г. на этом снова настаивает доминиканский монах Вильгельм-Адам, считающий острова Архипелага лучшими базами для морского похода на Палестину, а в 1332 г. Брокар разрабатывает целый план захвата славянских и греческих владений на Балканах, дабы создать там базу для завоевания Палестины.

В ближайшие полтора века весь Балканский полуостров переходит во власть турок: в 1356 году они заняли Галлиполи, твердыню Дарданелльского пролива, которой суждено было стать тем «окном в Европу», через которое в нее про-

никли до того времени неведомые европейцам османы. Четыре года спустя пал Адрианополь, столица Фракии, ставшая добычей султана Мурада I. В 1389 г. Коссовская битва решила судьбу важнейшего из балканских государств — Сербии, наследия славного Стефана Душана. Гибель славянских наций полуострова привела к недолгому подъему идеи крестовых походов, прекратившихся в начале 13 века. Теперь уже не требовалось отправляться в далекую Палестину для борьбы с полумесяцем, который сам двинулся на Европу и уже начал свое победное шествие по Балканскому полуострову. Ясно было, что после завоевания православных славян и греков придет очередь и католическому западу. Крестоносные рыцари пытались помочь восточным «схизматикам», но их ждало поражение при Никополе и пленение герцога Иоанна Бесстрашного Бургундского (1396 г.). Та же судьба постигла новых крестоносцев под Варной в 1444 г. Появление Тамерлана и разгром при Ангоре войск султана Баязета в 1401 г. только отсрочили на полвека неотвратимое событие: 29 мая 1453 г. пал Константинополь и весь полуостров оказался в руках турок, устремившихся далее на север от Балкан к завоеванию Венгрии, Австрии и Польши.

Идея создания антитурецкой коалиции из всех или хотя бы главнейших государств Европы пользуется большой популярностью в политической литературе того времени; тогда появляется ряд проектов изгнания турок из Европы. Первый из них предшествует падению Константинополя и относится к 1432 г.; он принадлежит бургундскому вельможе Бертрандон де ла Брокьер. Мы видим в числе авторов аналогичных проектов многих выдающихся деятелей 16—18 веков: императора Максимилиана, несколько пап (Льва X, Пия V и Климента VIII), французского короля Генриха IV и его канцлера герцога Сюлли, капуцина Иосифа, прозванного „Son Eminence grise“,—всесиль-

ного сподвижника кардинала Ришелье, полководца Тюренна, гуманиста Эразма Роттердамского, философа Лейбница и ряд малоизвестных лиц; все их проекты ничего не говорят о будущей судьбе Балкан по свержении турецкого владычества. Людовик XIV, предлагая Венеции и Польше в 1685 г. союз против Турции, составил первый проект раздела полуострова; по его мысли, Польша получила бы Крым, Малороссию, Молдавию, Валахию, Семиградье и Венгрию; Венеции достались бы Сербия, Хорватия и Албания, прочее он оставлял за собой. Таким образом он получил бы Константинополь, проливы, всю современную Грецию и Фракию.

Примеру «короля солнца» последовали многие европейские монархи, желавшие расширить свои владения за счет Турции (Екатерина II и Иосиф II, Александр I, Наполеон I, Николай I), им вторили дипломаты и философы (кардинал Альберони, маркиз д'Аржансон, Таллейран, Поццо ди Борго, князь Полиньяк, де Сен-Пьер, Луи Блан, Гарибальди и др.).

В 19 веке впервые появляются проекты раздела полуострова между свободными балканскими народами.

В 1828 г. бывший русский дипломат (будущий президент греческой республики) Каподистрия предложил создать на Балканах союз из Дакии (Молдавии и Валахии), Сербии (Сербии, Боснии и Болгарии), Македонии (от Вардара до Черного моря), Эпира и Греции. Союзной столицей он намечал, конечно, Константинополь. В Дакии у власти был бы, по его планам, греческий элемент; то же случилось бы в Македонии, Эпире и Греции. Создать эти государства он предлагал России. Проект грека Каподистрия привел бы к господству эллинизма, но он был обсужден в учрежденном в 1828 г. для обследования Восточного вопроса секретном комитете, который отверг его, признав более целесообразным в интересах России

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
527304
ПОГАШЕНО

поддерживать слабую Турцию, руководимую руссофильским правительством.

В 1853 г, с началом русско-турецкой войны снова пробудились панэллинские чаяния; тогда появился новый проект грека Дандоло. По его мысли создавался союз из Дакии, Сербии, Греции (в которую входили, кроме греческого королевства, Эпир и Фессалия), Македонии (охватывавшей всю Болгарию, восточную Румелию и Фракию) и Архипелага, причем в Союзном Совете греки имели бы четыре голоса против одного славянского (от Сербии).

Тем же духом панэллинизма проникнуты проекты других греческих публицистов.

Идею раздела Балкан на два государства—греческое и славянское—поддерживал в 1873 г. итальянский дипломат Греппи (Greppi). Гораздо разумнее анонимный проект (1875 г.), согласно которому Сербия получила бы Боснию, Черногория—Герцоговину, Греция—Македонию, Фракию, Албанию и Эпир, Болгария образовала бы независимое государство, и все балканские нации заключили бы между собой оборонительный союзный договор.

Оригинальный проект предложил (1885 г.) сербский писатель Матвей Бан: разделить весь Балканский полуостров по границам церковных округов; тогда в пределы Греции вошли бы все области, подчиненные церковной власти Константинопольского патриарха, включая сюда самый Константинополь, Фракию и восточную Македонию, к Сербии отошла бы старая Сербия, Болгария осталась бы в пределах своего экзархата, а на западе выросло бы новое государство со столицей в Охриде, где находится древняя Митрополия.

Хаотическое состояние турецких провинций невольно толкало на мысль о радикальном изменении всех государственных границ в пределах полуострова. Всякому бросалась в

глаза царившая на Балканах национальная рознь не только между завоевателями-турками и порабощенными туземцами не только между единоверными греками и славянами, но и между славянскими нациями (так, в 1902 г. болгары протестовали против посвящения серба Фирмилиана в митрополиты Скопского округа, так как среди его паствы значительный процент считает себя болгарами).

Первым последствием этой розни явилось «четничество», т. е. образование партизанских отрядов, «чет», руководившихся в своей деятельности не одними «идеологическими» мотивами; их реквизиции и контрибуций носили характер систематического грабежа, а вмешательство великодержавной дипломатии в балканские дела усиливало ненависть турецких властей к своим христианским подданным. К этому присоединялось близкое ожидание распада Турции,—«больного человека». Такая атмосфера была благоприятна зарождению разнообразных планов о дележе наследства империи Османов, и поэтому на ряду с вышеизложенными бескорыстными и ответственными проектами освобождения балканских народов из под турецкого владычества появлялись такие, которые отражали вожделения дипломатии той или иной великой державы. Так, в 1904 г. появилась в Париже книга [1]), принадлежащая, судя по некоторым намекам, перу румынского дипломата. В ней проводится мысль о создании союза балканских наций под покровительством Италии; автор пытается доказать, что в отличие от России и Австро-Венгрии, стремящихся поработить маленькие наций, Италия помогает культурному развитию этих народов совершенно бескорыстно и будет способствовать их самозащите от поползновений России. Основная мысль книги: гегемония Италии на полуострове.

[1]) „Une confédération orientale, comme solution de la question d'Orient par un Latin". Paris, 1914.

В 1876 г. бароны Теста, имея в виду интересы Австро-Венгрии заявили, что боснийское и болгарское восстания были бы ликвидированы, если бы турецкое правительство даровало автономию Болгарии, Румелии и Албании, а Боснию уступило сербскому князю Милану. Если бы австрийской дипломатии удалось провести такой план, то в Сербии укрепились бы австрофилы, которые всегда подчеркивали бы, что своему территориальному расширению маленькое княжество обязано австрийской поддержке. Вполне понятно, что в этом проекте выдвигается идея территориальной автономии разрозненных албанских племен. Албании предстояла много лет спустя роль любимого детища Венской дипломатии, ибо эта нация служила противовесом славянским народам, враждебно настроенным в отношении империи Габсбургов.

В 1878 г. всесильный австро-венгерский канцлер Андраши предпочел присоединить, под видом оккупации, Боснию и Герцоговину к австрийским владениям. Успехи его политики привели к новым еще более обширным и утопическим планам. Так, в 1898 г. австрийский журналист Бресниц фон Сидаков (Bresnitz von Sydakoff) выдвинул проект личной унии Румынии и Болгарии под скипетром короля Карла румынского, имевшего репутацию австрофила; к Болгарии при этом была бы присоединена Фракия с Константинополем и проливами; турецкие же владения к западу от Струмы отошли бы прямо к Австро-Венгрии; Греция, Сербия и Черногория попали бы под протекторат монархии Габсбургов.

Мы видим из этого короткого очерка, насколько стара была идея всеобщей войны против турок для перекройки карты полуострова. Проекты раздела Балкан между великими державами сменились планами раздела Европейской Турции между возникшими в 19 веке балканскими государствами. Эти последние объединились в 1912 г. и победили Турцию, но коалиция

распалась при дележе отвоеванной территории, а внесенные этой войной изменения явились в свою очередь одной из главнейших причин мировой войны.

Балканские государства до войны 1912-1913 гг.

Турция.

Старая оттоманская империя, достигшая в конце 17 века апогея своего могущества, приходит в продолжение 18 и особенно 19 века в упадок. Основанное на милитаризме государство держалось, главным образом, своими военными успехами; поэтому военные поражения были для него знамением упадка: победы Собесского, Евгения Савойского и Лаудона, Румянцева и Орлова, Суворова и Потемкина, Дибича и Паскевича в корне расшатали великую империю; в 19 веке от нее отделяются Греция, Сербия, Румынские княжества, Болгария; Россия завоевывает Бессарабию и восточное побережье Черного моря, ускользает из под власти султана Египет (1840 г.) и Тунис (1882 г.), попадают под особый режим Самос (с 1832 г.) и Крит (1868 г.), Англия оккупирует Кипр, а Австро-Венгрия—Боснию и Герцоговину (1878 г.).

Главным врагом Турции была в продолжение двух слишком веков Россия, много раз пришлось туркам обороняться также от натиска Австро-Венгрии, но от полного разгрома империю османов спасало соперничество между державами. Россия и Австрия мешали друг другу в деле борьбы против турок, а за спиной султана всегда виднелись его традиционный друг Франция, не желавшая чрезмерного усиления России и Австро-Венгрии, и Великобритания, стремившаяся устранить другие державы от путей в Индию. Турецкая дипломатия очень искусно лавировала между великими державами и умела в трудную минуту получить помощь даже от своих исконных врагов.

Так в 1798 г. Россия заключила союз с Турцией, и эскадра вице-адмирала Ушакова помогала туркам против войск революционной Франции. Ту же цель преследовал русско-турецкий договор 1805 г., направленный против Наполеона. Конвенция 1833 г. обеспечила туркам помощь России против мятежного вассала, египетского губернатора Мехмета-Али. Но всегда по миновании надобности Турция разрывала дружбу с Россией, не без основания опасаясь, что долгая дружба превратится на деле в «протекторат» со стороны северного соседа. После войны 1878 г. Турция больше не возвращалась к союзу с Россией, предпочитая искать поддержки у западных держав.

После Берлинского конгресса султан Абдул-Гамид весьма удачно направлял свою внешнюю политику: первоначально он опирался на Францию и назначил великим визирем франкофила Кереддина-пашу, бывшего тунисского министра (1879 г.), но затем он вступил на путь осторожного англофильства, проводником которого являлся Киамиль-паша, неоднократно занимавший пост великого визиря. В то же время он стремился создать сильное войско, для чего в 1883 г. была приглашена германская военная миссия с фон дер Гольцем во главе, успешно работавшая над реорганизацией армии; результатом этой работы был ряд побед, одержанных весной 1897 г. турецкими войсками над греками.

В 1900-х годах начинается период германской ориентации, проводником которой был талантливый германский посол при Порте Маршалль фон Биберштейн. Большую роль сыграла поездка Вильгельма II в Палестину осенью 1898 г.; в бытность свою в Дамаске император возложил венок на могилу Саладина и произнес речь, в которой заверял в своей дружбе султана и «300.000 мусульман, рассеянных по всей земле и чтущих в нем своего калифа». К этому же времени относится пресловутая Багдадская концессия.

В 1899 г. немецкий банк (Deutsche Bank) получил концессию на постройку железной дороги до Багдада. Являясь продолжением Анатолийской дороги, эта линия создавала прямой железнодорожный путь Гамбург—Берлин—Стамбул—Скутари (малоазийский) — Багдад. Было немедленно создано «императорское оттоманское общество Багдадской железной дороги», которое взяло на себя построить всю линию с правом эксплоатации на девяносто девять лет. Но особенно заманчивым представлялось продолжить линию от Багдада до порта Ковейта на Персидском заливе. Этого, однако, не могла допустить Великобритания, которая рассматривала Месопотамию и Персидский залив, как пути из Европы в ее индостанские владения. Поэтому она прибегла к возбуждению сепаратистических тенденций среди месопотамских подданных султана; вассальный султан Ковейта восстал против своего сюзерена Абдул-Гамида и отдался под покровительство Великобритании. Началась упорная дипломатическая борьба между обеими великими державами; Германия поддерживала Турцию, а Англия—Ковейт. Это отразилось неблагоприятно на англо-турецких отношениях. Турецкая дипломатия привыкла видеть в Великобритании постоянную защитницу от притязаний со стороны своего векового традиционного врага, России. Теперь появлялся более могущественный, как думали тогда, и более бескорыстный, как предполагали турецкие политики, друг: сильная и мощная Германия, возглавляемая императором Вильгельмом II. Несмотря на то, что наиболее видные турецкие дипломаты были воспитаны в англофильских традициях, престиж Великобритании в высших сферах Стамбула стал постепенно понижаться, что впоследствии имело огромное значение для Оттоманской империи.

В отношении внутренней политики царствование Абдул-Гамида надо признать в период после войны 1877—88 гг.

относительно спокойным. Финансовые затруднения были устранены введением международного финансового контроля и учреждением «Комиссии Оттоманского долга» [1]). В провинции был постепенно обновлен состав чиновничества, справлявшийся со сложной задачей управления разноплеменным населением.

Впрочем, от времени до времени вспыхивали мятежи на Крите (1885, 1887, 1889, 1895 и 1896 г. г.), в Албании (1884 и 1887 г. г.) и в Армении (1890, 1893, 1894 и 1896 г. г.); но правительство беспощадно подавляло эти мятежи.

Однако, среди турецкой интеллигенции была жива память о конституции 1876 г., сторонники которой, известные под именем «младо-турок», могли открыто проявлять свои тенденции только за пределами Турции. Они распадались на две партии: «Единение и Прогресс» и «Оттоманская лига децентрализации и конституции». Первая проповедывала введение конституции и реформу местной администрации на основе строгой унификации и централизма, вторые стремились к автономии отдельных областей. Вплоть до 1907 г. эти разрозненные эмигрантские кружки не оказывали влияния на политическую жизнь страны, а искусно организованная полиция в корне пресекала всякую попытку революционной агитации внутри Турции.

Главное беспокойство турецкому правительству в первые годы 20 века стала доставлять Македония. Еще в 1892 г. образовалась повстанческая организация, возглавляемая Борисом Сарафовым; целью этой группы было присоединение Македонии к Болгарии. С 1895 г. начинается террористическая деятельность отдельных чет, снабжаемых оружием из Болгарии; к 1900 г. террор чет принимает угрожающие раз-

---

[1]) См. мою статью „Международные гарантии уплаты государственных займов“ („Экономическое Возрождение“ 1922 г. № 2).

меры. Суровые репрессии турецких властей, не могущих справиться с неуловимыми четниками, ложатся всей своей тяжестью на мирные селения, заподозренные в укрывательстве. Озлобленные, разоренные крестьяне устремляются в четы.

С Сарафовым конкурирует новый вождь повстанцев Михайловский-Зончев, лозунгом которого является автономия Македонии в пределах Турецкой империи. Партизанская война, жестокая и упорная, вызывает вмешательство великих держав, требующих реформ, могущих успокоить недовольных македонцев.

В 1902 г. Турция предложила программу реформ: учреждение смешанной жандармерии из христиан и мусульман, создание должности инспектора Македонии и контрольной комиссии. Начались переговоры между державами о Македонии, которая сделалась таким образом вопросом международной политики.

Весной 1903 г. появились на ряду с болгаро-македонскими четами греческие и сербские четы, одинаково враждебные туркам, болгарам и друг другу; заволновались куцовалахи, взбунтовались албанцы, опасавшиеся перехода албанских земель под власть христианских держав; в марте был убит албанцами русский консул в Митровице Щербина, а в августе — консул в Монастыре Ростковский, что заставило Россию требовать репрессий против албанцев.

Еще 1 февраля 1903 г. Россия и Австро-Венгрия потребовали от турецкого правительства назначения в Македонию инспектора на три года с подчинением ему вали (губернаторов), реформы полиции и лесной стражи, создания отдельных для каждого вилайета бюджетов, амнистии всем четникам и партизанам; все эти реформы и мероприятия должны были проводиться под контролем консулов. Турция уклонилась от этого, несмотря на то, что в мае 1903 г. в Болгарии премьером стал генерал

Петров, сторонник вмешательства Болгарии в македонские дела. Турецкая дипломатия превосходно учитывала то обстоятельство, что в данный момент ни Россия, ни Австро-Венгрия не желали отпадения Македонии от Турции: русская дипломатия была всецело занята Дальним Востоком, где только что начало развеваться русское знамя над Порт-Артуром и близился час неизбежного столкновения с Японией, а потому пыталась «заморозить» балканский вопрос, а австро-венгерская дипломатия считала, что интересы Габсбургской империи требуют неприкосновенности турецкой территории, твердо помня пророчество французского историка Альбера Сореля: «Целое столетие делают попытки разрешить восточный вопрос, но в тот день, когда покажется, что этот вопрос разрешен, перед Европой неминуемо встанет австрийский вопрос» [1]).

Под давлением России болгарское правительство решило отложить свое выступление до того времени, как Россия вернется к активной политике на Ближнем Востоке и окажет поддержку болгарским притязаниям на Македонию.

В октябре 1903 г. состоялось Мюрцштегское соглашение между Россией и Австро-Венгрией, в результате которого была выработана программа умиротворения Македонии: назначение генерал-инспектором всей Македонии либерального турецкого сановника Хильми-паши, при котором должны состоять два советника—русский и австриец; учреждение жандармерии со шведскими инструкторами во главе для охраны македонского населения и борьбы с бандами, независимо от их национальности; изменение границ административных округов «в видах более правильной группировки отдельных народностей»; допущение христиан на административные и судебные должно-

[1]) Это предсказание сбылось поразительно точно: 1918 г. был последним годом существования империи султанов и многоязычной Дунайской монархии; обе не вынесли потрясений мировой войны.

сти наравне с мусульманами; учреждение следственных комиссий смешанного состава для разбора конфликтов и столкновений среди разноплеменного населения; введение реформ, предусмотренных вышеупомянутой коллективной русско-австрийской февральской нотой 1903 года. Эти реформы полностью в жизнь проведены не были. Но когда для повстанцев стало ясно, что обе великие державы не допустят присоединения Македонии к Болгарии, повстанческое движение стало поэтому ослабевать. Хильми-паша успешно справлялся с возложенными на него задачами [1]).

На смену македонским событиям неожиданно пришла младотурецкая революция.

Турецкие оппозиционные партии всегда стремились завязать сношения с офицерством, которое в Турции, как во всех милитаристических государствах, пополнялось лучшими представителями интеллигенции. Революционные кружки в среде константинопольского офицерства быстро ликвидировались хорошо организованной полицией, но в провинции офицерам удавалось избегать ее бдительного надзора. Наиболее благоприятные условия для конспирации создались в Македонии, в виду особой организации местной администрации и благодаря постоянному вмешательству европейских консулов в действия военных и гражданских властей. Первые подпольные организации младотурок возникли в Салониках еще в 1898 г., но разрастаться они стали в период македонских смут, когда в европейские вилайеты были стянуты дивизии, расквартированные до того в Малой Азии. Среди них пропаганда партии

[1]) В декабре 1907 года в Софии был убит на улице главный организатор македонских чет Борис Сарафов, с ним погиб его видный сподвижник Гарванов. Смерть Сарафова, несомненно, нанесла удар македонскому делу.

«Единения и Прогресса» шла тем более успешно, что офицерство было недовольно уступчивостью турецкой дипломатии в отношении великих держав. Офицеры не понимали, что Турция не могла говорить твердым языком с более могущественными Россией и Австро-Венгрией. Они не учитывали того, что аггрессивная политика в македонском вопросе может привести к столкновению с Болгарией и опасному для Турции кризису, подобному событиям 1875—78 г.г.

Постоянное вмешательство иностранных консулов в македонские дела и взаимоотношения между местными властями мешали полиции выследить революционные организации, которые к 1908 г. насчитывали до 8.000 членов, в огромном большинстве офицеров. Весной 1908 г. стало известным об англо-русских переговорах по вопросу о проведении в жизнь невыполненной до сих пор полностью Мюрцштегской программы реформ. Англия, противившаяся раньше австро-русской программе, пошла навстречу русским требованиям в этом направлении. Тогда революционеры решили, что настала пора действовать, дабы положить предел разложению Турции, руководимой абсолютистами, противниками реформ, не умеющими приобрести симпатии Европы и уступающими в то же время требованиям иностранной дипломатии. Новая Турция сумеет, считали они, провести нужные реформы, поднять свой престиж в Европе и укрепить свое государственное единство. Основным лозунгом революционеров было восстановление конституции 1876 г., которая должна была обновить одряхлевший государственный организм.

В июле 1908 г. началось восстание в рядах III армейского корпуса. Инициаторы движения Ниази-бей и столь известный впоследствии Энвер-бей сумели заручиться поддержкой македонских четников. Все местное офицерство примкнуло к восстанию, и начался поход на Стамбул, сильно напугавший ста-

рого Абдул-Гамида. 11/24 июля султан восстановил конституцию 1876 г.

Таким образом Турция стала парламентарной монархией. Законодательная власть принадлежала султану и двум палатам: сенату, члены которого назначались султаном, и выборной палате депутатов. Правительственная власть была присвоена кабинету министров, возглавляемому великим визирем на правах премьер-министра. В случае вотума недоверия со стороны парламента кабинет был обязан подать в отставку; этот парламентский обычай Западной Европы был формулирован в турецкой конституции в качестве одного из ее принципов. Было установлено равноправие народностей и отменены все ограничения в правах не мусульман. Провозглашалась свобода личности, союзов, собраний, печати, преподавания религии, неприкосновенность жилищ и частной собственности. Прерогативы султана сводились к объявлению войны, ратификации международных договоров, введению осадного положения (при котором восстанавливалась административная высылка), отсрочке заседаний законодательных учреждений и роспуску палаты; в последнем случае выборы новой палаты должны были быть произведены в шестимесячный срок. Палата имела право запросов министрам и могла возбуждать вопрос о предании их особому верховному суду. В принципе была провозглашена несменяемость судей всех рангов. Налоговое обложение должно было быть перестроено по принципу пропорциональности. В вилайетах вводилось местное самоуправление, зачатки коего были, впрочем, известны и дореформенной Турции. Всеобщее начальное обучение было объявлено обязательным. Конституция 1876 г. была дополнена целым рядом новых статей в еще более либеральном духе.

Власть оказалась в руках у партии «Единение и Прогресс», которая отнеслась с крайним недоверием к другим

революционным партиям: «Лиги децентрализации и конституции» и «Турецкой революционной федерации», из коих последняя возникла только в 1907 г. «Лига» требовала широкой областной автономии не турецким по этнографическому составу вилайетам и встречала поэтому полное сочувствие многочисленных инородцев Оттоманской империи. «Федерация» ставила в главу угла классовую борьбу, как путь к достижению социализма. Ближайшие требования «федерации» сводились к трем пунктам: сбор налогов поручается делегатам от плательщиков; арендаторы земли получают в собственность те участки, которые обрабатывали не менее пяти лет; устанавливается минимум величины земельного участка, необходимого для прокормления крестьянской семьи в зависимости от количества ее членов.

Несмотря на приветствия и похвалы, доносившиеся с Запада, младотурки очень скоро убедились, что создавшейся в связи с переворотом смутой воспользуются западные государства. Осенью 1908 г. Турция потеряла свое эфемерное верховенство над оккупированными Австро-Венгрией в 1878 г. Боснией и Герцоговиной; в то же время кончился чисто формальный сюзеренитет султана над Болгарией. Эти два удара национальному самолюбию повели к резкому повороту младотурок в сторону крайнего национализма. Прошел медовый месяц братания всех разноплеменных подданных султана и начались резкие преследования на религиозно-национальной почве. Младотурки пожелали прежде всего распространить воинскую повинность на христиан, что вызвало среди последних глухое брожение: македонские организации отвернулись от Стамбула, за ними последовали армянские партии: «Дашнакцутюн» и «Хинчак». Турецкая администрация не проводила в жизнь установленное конституцией равенство вероисповеданий; по общим отзывам, со введением в действие кон-

ституции ухудшилось при младотурках положение не только христиан, но и мусульманских инородцев (арабов и курдов).

Воспользовавшись рядом ошибок партии «Единение и Прогресс», султан Абдул-Гамид организовал контр-революционный переворот (апрель 1909 г.), стоивший жизни не одному десятку младотурецких офицеров, но снова решающую роль сыграли расквартированные в европейских вилайетах войска. Командир армейского корпуса Махмуд-Шефкет-паша занял после непродолжительного боя Константинополь, султан был свергнут и заменен своим младшим братом Махмудом V. Теперь в руках торжествующих младотурок оказалась вся полнота власти, но разумно использовать эту власть они не сумели.

Прежде всего им не удалось взять верный путь во внешней политике; убедившись во враждебности России, против которой их возбуждало постоянно проявляемое русскими дипломатами (основанное на Кучук-Кайнарджийском трактате 1774 г.) стремление покровительствовать православным подданным султана, они стали искать поддержки со стороны Германии, совершенно забывая, что Германия не осудила произведенной в 1908 г. ее австрийским союзником аннексии Боснии и Герцоговины. В то время, как прежняя турецкая дипломатия искусно лавировала между различными великими державами, младотурки своим резким германофильством оттолкнули от Турции ее традиционного друга Францию, связанную с Оттоманской империей значительными экономическими интересами, ибо французский капитал, вложенный в турецкие предприятия, превышал два миллиарда франков и большинство турецких займов было размещено во Франции. Тщетны были попытки вернувшегося из изгнания Фуада-паши и старого Киамиля-паши сблизить турецкое революционное правительство с Великобританией. Младотурки относились с недоверием к правительству короля Эдуарда VII, которое по-

степенно шло на сближение с Россией (англо-русское соглашение 1907 г. относительно Персии, Афганистана и Тибета и ревельское свидание Николая II с Эдуардом VII в 1908 г.).

Перед младотурками стояли новые трудности, значительно усложнявшие их внешнюю политику. На автономном острове Крите началось движение в пользу воссоединения с Грецией. Впрочем, державы заставили критян спустить вывешенные греческие флаги. Вслед за тем младотуркам пришлось подвергнуться нападению Италии в их африканских владениях. Италия еще с начала 20 века имела виды на Триполи и Киренаику. Римская дипломатия постепенно подготовляла удобную для нападения на турок обстановку. Франко-итальянским соглашением 1902 г. Италия добилась отказа Франции от всякого вмешательства в триполитанский вопрос, а в 1909 г. Николай II принял на себя такое же обязательства взамен обещания Италии не препятствовать разрешению вопроса о проливах в благоприятном для русской дипломатии направлении. Летом 1911 г. итальянцы стали искать повода к конфликту и нашли его в перевозке новых турецких полков в Триполи. 28 сентября был предъявлен Турции ультиматум а через сутки началась война, затянувшаяся на целый год.

Во внутренней политике младотурки оттолкнули от себя всех инородцев, сочувствовавших прежде партии «Единение и Прогресс». По сравнению с правительством Абдул-Гамида у них прибавился новый враг—албанцы, которые утратили свое прежнее привилегированное положение, объяснявшееся тем, что албанская молодежь составляла любимую охрану Абдул-Гамида.

Неудивительно поэтому, что турецкий парламент и поддерживавшие его различные политические и общественные организации заставили младотурок уйти из состава правительства с Саид-пашей во главе. Великим визирем (на пра-

вах европейского парламентарного премьера) назначен был герой русско-турецкой войны 1872—78 г.г. Ахмет-Мухтар, которому предстояло ликвидировать затянувшуюся войну. В Лозанне шли в течение нескольких месяцев переговоры между турецкими и итальянскими делегатами. Наконец был подписан мирный договор, согласно которому Турция отзывала войска из Триполи и Киренаики, а Италия обещала вернуть туркам 12 оккупированных ею островов Архипелага, когда закончится эвакуация турецких войск из Африки [1]).

Мало пользы принесло туркам правление партии «Единение и Прогресс» (с лета 1908 г. по осень 1912 г.). С одной стороны—территориальные потери, а с другой—никакого обновления во внутренней жизни. Экономическое и финансовое положение не улучшилось. Вот почему власть перешла к оппозиции, а прежние лидеры отошли на задний план. Энвер, сражавшийся в Триполи против итальянцев, уехал в Берлин в качестве военного агента, прочие лидеры с нетерпением ждали того момента, когда власть снова вернется к ним. Эта партийная борьба, несомненно, ослабляла Турцию в один из серьезнейших моментов ее истории. Казалось бы, что для Турции выгоднее всего было бы притти к соглашению со своими балканскими соседями, которые всегда были рады

[1]) Острова Родос, Кос, Патмос, Лерос, Калимнос, Сими, Карпатос, Касос, Астрапалиа, Нисирос, Титос и Харки были заняты итальянским десантом в апреле и мае 1912 г. Население, состоявшее в огромном большинстве из греков (458.000 греков и 27.000 турок), настаивало на передаче островов Греции, что вызвало репрессии со стороны итальянских оккупационных властей. По окончании войны итальянское правительство так и не возвратило островов Греции. В период Версальских переговоров 1920 г. Венизелос отказался подписать Севрский мирный договор, пока Италия не передаст Греции этих островов. Италия согласилась тогда передать грекам 11 островов все, кроме главнейшего—Родоса).

использовать затруднения своей прежней властительницы, тем более, что Россия, пытавшаяся неудачно добиться открытия проливов для своих военных судов [1]), была склонна поддержать славян против Турции. Опаснее всего для турецкого правительства в 1912 г. было недооценивать военную мощь балканских государств, которая за последние десятилетия значительно возросла.

Румыния.

Важнейшим после Турции государством Балканского полуострова была Румыния, население которой к 1910 г. достигало шести слишком миллионов человек. Основание этого государства относится к тому времени, когда палаты («диваны») Дунайских княжеств Молдавии и Валахии избрали одного господаря Александра Кузу (1859 г.). Два года спустя султан признал новое княжество. В русско-турецкую войну румынский князь Карл сражался бок о бок с русскими и за это получил независимость, королевский титул и населенную болгарами провинцию Добруджу. Молодое королевство спокойно развивалось до начала 20 века, управляемое поочередно консервативным и либеральным кабинетами. Конституция 1866 г. создала парламентский строй по образцу Бельгии. Тогда и возникли политические партии. Консерваторы относились враждебно к Австро-Венгрии и королю из династии Гогенцоллернов; их поддержкой были помещики и хуторяне, а также духовенство, которое с 1885 г. было независимо от Византийского патриарха. Либеральная партия, руководимая Иваном

[1]) Попытки русского посла при Порте Чарыкова не встретили поддержки со стороны Франции и Великобритании, которые уклонились от всякого давления на Порту в этом направлении. Германия и Австро-Венгрия дали совет Порте не уступать русским притязаниям, что она и сделала.

Братиано, стремилась к тесному союзу с Германией по ряду причин: ее пугали завоевательные стремления России, отнявшей в 1878 г. у румын Килию и Измаил, она боролась против влияния тех политических идей, которые шли из России, она мечтала о гегемонии румын на полуострове и о соперничестве с Россией. Значительную эволюцию пережили обе партии в конце 19 и начале 20 века. Франко-русский союз примирил с Россией тех румынских либералов, которые, получив образование в Париже, стремились к усилению французской культуры на Востоке. С другой стороны, консерваторы не прощали России ее подчеркивания интересов славянства, к которому румыны не принадлежали, и поддержку Болгарии, которую румыны считали за естественного врага. В 1901 г. власть перешла к либеральному министерству, которое стремилось сблизиться с Турцией и добиться улучшения участи куцо-влахов в Македонии.

В общем политику Румынии следует признать осторожной и миролюбивой. Правительство стремилось улучшить финансовое положение путем сокращения государственных расходов и конверсии прежде заключенных внешних займов. Во внешней политике оно придерживалось оборонительного союза с Австро-Венгрией, основанного на конвенции в 1884 г. Поэтому оно не поощряло ирредентистских настроений, сводившихся к проекту объединения всех румын Бессарабии, Буковины, Трансильвании, Баната и Добруджи в пределах единого королевства — мечта, осуществленная в 1919 г.

Внутреннее положение Румынии в первом десятилетии 20 века было крайне тревожным; крестьянское аграрное движение, охватившее Россию, перекинулось в соседнюю Румынию; первые разгромы помещичьих усадеб относятся к сентябрю 1904 г. Требования крестьян сводились к разделу между ними помещичьих земель. Борьба с начавшейся революцией выпала на

долю консервативного кабинета Кантукузена. Кантукузен распустил палату и произвел новые выборы, давшие 157 консервативных и всего 15 либеральных депутатов. От такого состава палаты нельзя было ожидать аграрных реформ, и крестьянские беспорядки продолжались беспрерывно, несмотря на суровые репрессии. В марте 1907 г. они приняли характер массового восстания в Молдавии и значительной части Валахии так, что войскам пришлось вступить в настоящие сражения с повстанцами. В мае 1907 г. перевыборы палаты дали большинство либеральной партии и тогда был разработан проект принудительного отчуждения значительной части помещичьих земель.

Результатом смут 1904—7 г.г. явилась еще большая неприязнь румынских правящих классов к России, в которой еще тогда стали видеть очаг возможных беспорядков и социальных потрясений [1]). В противоположность России Австро-Венгрия считалась образцом культурного государства, умеющего сочетать либеральные реформы в духе времени с твердой охраной интересов имущих классов от всяких социальных потрясений. Отсюда вытекало тяготение румынских правящих сфер к Австро-Венгрии. Одновременно поддерживались близкие отношения с германской дипломатией, чему немало способствовала принадлежность короля Карла к одной из ветвей династии Гогенцоллернов. Вместе с тем надо отметить дружелюбные связи с Италией, объяснявшиеся, между прочим, распространенной среди румынской интеллигенции теорией, что именно румыны являются наиболее чистыми потомками римлян.

[1]) Вспомним впечатление, произведенное на румынское общественное мнение приходом в Констанцу в июне 1905 года восставшего броненосца „Князь Потемкин Таврический". Румынское правительство взяло, впрочем, на себя обязательство не выдавать повстанцев русскому правительству, которому оно вернуло самый броненосец.

Чувствовалось также в Бухаресте культурное влияние Парижа, не имевшее, впрочем, никакого политического значения; румынская интеллигенция, в особенности, та часть, которая примыкала к либеральной партии, была горячей поклонницей французской культуры, но Франции ставили в упрек ее союз с Россией, которую румыны считали своим врагом. Любопытно отметить взгляд румынских историков на русско-турецкую войну 1877—78 г.г. Румыны считали, что Россия нарушила в начале войны нейтралитет Румынии, заставив ее согласиться на свободный проход русской армии через румынскую территорию, что после первых неудач под Плевной только помощь румынских частей спасла русское войско от полного разгрома, и что Россия ограбила Румынию, отняв после войны у своего союзника Килийский рукав Дуная с прилежащей территорией, которую Россия утратила по Парижскому трактату 1856 г. [1]).

Между тем Румыния, благодаря войне 1877—78 г.г., стала независима от Турции и получила Добруджу. Весной 1877 г. после объявления Россией войны князь Карл устроил торжественную встречу Александру II и предложил помощь своей армии, но получил отказ. В мае Турция первая объявила войну Румынии, а появление 25.000 румын под Плевной, несомненно оказавших поддержку русским войскам, конечно, не сыграло решающей роли. На берлинском конгрессе румынская делегация безуспешно протестовала против перехода к России Килийского рукава Дуная [2]), но, несмотря на эту потерю, Румыния

[1]) Эта точка зрения нашла свое отражение у западно-европейских историков: Сеньобоса, Дебидура и др.

[2]) Румын поддержали на конгрессе делегаты Англии—Биконсфильд, Франции—Ваддингтон, Австро-Венгрии—Андраши и Италии—Корти; они встретили резкий отпор русского делегата П. А. Шувалова, поддержанного на этот раз Бисмарком.

вышла из войны значительно окрепшей. Поэтому нельзя согласиться с теорией, изображающей Румынию спасительницей России, которая потом якобы ограбила эту своюспасительницу. Однако, вплоть до начала балканского кризиса 1912—13 г.г. Румыния относилась к России безусловно враждебно.

Отношения Румынии к балканским государствам можно назвать только корректными: румыны чуждались славян, считая их низшей расой. С Грецией отношения портились вследствие того, что румынское общественное мнение не без основания упрекало греков в стремлении эллинизировать куцо-влахов, т. е. македонцев румынского происхождения, которые в количестве 200.000 человек были рассеяны среди разноплеменного населения Македонии, сосредоточиваясь преимущественно на юге ее.

Наиболее дружественные отношения Румыния поддерживала с Турцией, подавая повод к слухам о турко-румынской военной конвенции. Несомненно, что из всех балканских государств Румыния меньше других имела поводов к вражде против Турции. Их разделяла территория Болгарии, которая могла стать их общим врагом, так как для своего национального объединения она мечтала о завоевании Македонии и Добруджи; Румыния, подобно Турции, опасалась роста славянских государств, которые, опираясь на Россию, могли стать угрозой для Румынии. Этим вполне объясняется то обстоятельство, что Бухарестское правительство, воздержавшееся от всякого участия в войне 1912 года против Турции, охотно приняло участие во второй балканской войне, так сильно ослабившей Болгарию.

В заключение необходимо отметить единственный пункт расхождения между Австро-Венгрией и Румынией: это был грубый венгерский национализм, угнетавший на ряду со словаками и хорватами трансильванских румын. Мадьяризиро-

вать румын Будапешту не удалось, но именно румыны явились впоследствии наиболее жестокими и беспощадными врагами Венгрии, с лихвой отплатив ей за прежние обиды в период румынской оккупации венгерской территории в 1919 году. Но в годы, предшествовавшие балканским войнам, отношения между Румынией и Австро-Венгрией не оставляли желать лучшего и ничто не предвещало, что не пройдет и десяти лет, как Румыния окажется в стане многочисленных врагов Дунайской монархии.

Болгария.

Вплоть до начала 19 столетия болгарский народ находился в полном политическом подчинении у турок и в духовном подчинении у греческого духовенства, которое всячески стремилось эллинизировать православных болгар. Часть болгарского народа, правда, незначительная, приняла мусульманство и слилась с турками (так назыв. «помаки»). Запад совершенно забыл о существовании обособленного от греков и сербов болгарского племени, о чем свидетельствуют проекты перестройки Балкан, относящиеся к первой половине 19-го века. Первый толчок национальному возрождению Болгарии дала русская оккупация в период войны 1828—1829 годов. Препятствия на этом пути болгары встретили не только со стороны турецкой администрации, но в гораздо большей степени от греческого духовенства. Желая избежать культурного гнета греков, часть болгарской нарождавшейся интеллигенции пошла в 1859 г. на церковную унию с Римом. Тогда русская дипломатия выступила навстречу болгарским пожеланиям в церковном вопросе и добилась согласия султана на создание самостоятельного болгарского экзархата в 1870 г., что сильно содействовало росту национального самосознания в широких массах болгарского племени. Русско-турецкая война 1877—78 г.г. дала болгарам свое полусуверенное правительство, но затем

берлинский трактат разделил единую Болгарию на две части, из коих только северная являлась полусуверенным государством, а южная—Восточная Румелия—была автономной турецкой провинцией.

Первые годы существования молодого княжества были ознаменованы политической борьбой между консерваторами с Стоиловым, Начевичем и Грековым во главе, и либералами, которыми руководили Цанков и Каравелов. Первые стояли за самодержавие Александра Баттенбергского, которого болгарское национальное собрание избрало князем 17/29 апреля 1879 г.; кроме того, они настаивали на сближении с Западом и боролись с русским влиянием. Русские дипломаты не сумели использовать руссофильства либеральной партии, и их ошибки привели к полному упадку русского влияния в Болгарии. Объединение Болгарии с Восточной Румелией в 1885 г. произошло без всякого участия России, что и вызвало раздражение Александра III. Руссофильский заговор привел к свержению князя Александра в августе 1886 г. Вернувшись неделю спустя в Болгарию, куда его звали недовольные его свержением политические партии, он получил телеграмму Александра III, требовавшего его удаления во имя «интересов России и мира Востока». Князь вторично отрекся и покинул Болгарию, передав верховную власть триумвирату из Стамбулова, Каравелова и Муткурова.

Новая миссия русского особого посла генерала Каульбарса с изгнанием князя Александра окончилась, благодаря его бестактности, полной неудачей: между Россией и Болгарией были прерваны дипломатические сношения [1]). Вскоре был

[1]) Об этом периоде болгарской истории см. С. С. Татищев „Россия и Болгария“ в сборнике его работ „Из прошлого русской дипломатии“ (СПБ. 1909 г.), и П. А. Матвеев. Болгария после Берлинского конгресса (С. П. Б. 1887 г.).

избран князем принц Фердинанд Саксен-Кобургский, офицер австрийской службы. Его избрание означало разрыв с Россией, которая выдвигала кандидатуру русского подданного князя Мингрельского. Фердинанд, не признанный, вследствие противодействия русской дипломатии, европейскими державами, княжил семь лет, всецело подчиняясь жестокому премьеру Стамбулову, управлявшему диктаторскими приемами: восстания в различных городах (1887—88 г.г.) и покушения на жизнь Стамбулова (1887—и 1891 г.г,) дали ему повод разгромить руссофилов. Но в 1894 г. Фердинанд, опираясь на сочувствие широких масс населения, дал отставку Стамбулову (убитому год спустя). Затем он примирился с русским правительством, пригласив Николая II крестить княжича Бориса, который стал православным, в то время, как сам князь был католиком.

Вскоре Фердинанд совершил поездку по европейским столицам, начиная с Константинополя и Петербурга, и везде был встречен, как признанный князь Болгарии.

Несмотря на наличие конституции, Фердинанд вполне самостоятельно руководил внешней политикой княжества. В 1897 г. он заключил с Сербией выгодный торговый договор, вызвавший неудовольствие австрийской дипломатии, стремившейся препятствовать сближению славянских государств между собой. В 1898 г. он заключил секретную конвенцию с Австро-Венгрией, согласно которой он обещал воздерживаться от военных и экономических соглашений с Россией и Сербией и признать предстоящую аннексию Боснии и Герцеговины, взамен чего Австро-Венгрия признала его «права» на восточную Македонию и Фракию с Адрианополем и обещала свою помощь в случае нападения на Болгарию турок или сербов. Хотя договор был заключен на 15 лет, Болгария в 1900 г. заключила с Россией военную конвенцию в прямое

нарушение предыдущего договора. Обе конвенции сохранялись в тайне. В том же году был вызван из России член совета министра финансов Д. Ф. Кобеко для проведения разного рода финансовых мероприятий, в виду грозившего Болгарии государственного банкротства.

В первые годы 20 столетия начались македонские смуты при скрытой поддержке болгар. Общественное мнение требовало вмешательства Болгарии и войны с Турцией, но под влиянием русской и австрийской миссий правительство должно было закрыть рассыпанные по Болгарии македонские комитеты, снабжавшие четников оружием и деньгами, что вызвало общественное недовольство. Опасаясь перехода к Болгарии греческих областей Македонии, Греция оказывала поддержку туркам, а греческие добровольцы просили принять их в турецкую армию в случае войны против болгар. Но Россия и Австро-Венгрия заставили Турцию и Болгарию одновременно демобилизовать свои армии.

Русская революция 1905—7 г.г. нашла свой отклик на Балканах: в 1907 г. происходили в Софии студенческие волнения и железнодорожная стачка (премьер Петков был убит). С наступлением же реакции в России прекратилось революционное движение в Болгарии, как это случилось и в соседней Румынии.

Когда турецкие события 1908 г. потрясли власть Абдул-Гамида, Фердинанд поспешил скрепить свои связи с Веной и Берлином, для чего вступил в 1908 г. во второй брак с немецкой принцессой Элеонорой Рейсс. Вскоре он тайно условился с австро-венгерским министром иностранных дел Эренталем провозгласить независимость Болгарии. Воспользовавшись в качестве предлога неприглашением болгарского агента при Порте на официальный обед в честь иностранных дипломатов, чем подчеркивался вассалитет Болгарии, Фердинанд объявил

себя 5 октября царем независимой Болгарии, что совпало с провозглашением аннексии Боснии и Герцоговины Австро-Венгрией. Россия поспешила помочь болгарам, дабы не дать Австро-Венгрии возможности сыграть роль покровителя славянского государства. Она отказалась поэтому от причитавшейся ей еще после русско-турецкой войны 1877—78 гг. контрибуции в размере 125 миллионов франков, взамен чего Болгария обязалась уплатить России в течение ряда лет 82 миллиона франков. Турции пришлось на этих условиях признать Болгарию независимым царством.

Несмотря на значительные финансовые затруднения, Болгария с 1878 г. окрепла; торговля и промышленность сильно развились за дальнейший тридцатилетний период. Армия, созданная русскими инструкторами в 80-х годах, представляла собой к 1910 году крупную боевую силу. Программы политических партий демократов, стамбулистов, земледельцев не представляли крупных различий. Постоянные связи с македонскими организациями позволяли болгарам надеяться, что настанет день, когда Македония войдет в состав Болгарии. Понятно, что болгары с нетерпением ждали момента, когда можно будет с наименьшим риском напасть на Турцию.

Обзор болгарской внешней политики с момента возникновения княжества показывает, что Болгария очень ловко лавировала между Россией и Австро-Венгрией. Первые годы княжеству грозила опасность стать русским вассалом; но князь Александр избежал этого; объединение с Восточной Румелией (1885 г.) произошло без всякой поддержки России. Фердинанд же сумел обеспечить стране поддержку австро-венгерской дипломатии, что не помешало ему впоследствии примириться с Россией и иметь за собой содействие обеих соперничающих держав. Выдержка болгарского правительства, не поддавше-

гося искушению напасть на Турцию в период македонских смут 1902—3 г.г., избавила Болгарию от тех поражений и унижений, которые пришлось вынести в 1897 г. Греции за ее рискованное нападение на Турцию.

Отношения Болгарии к прочим балканским нациям оставляли часто желать лучшего. В 1885 г. ей пришлось отражать нападение Сербии, что, впрочем, ее молодая армия выполнила с честью, разбив при Сливнице войска короля Милана. С Румынией отношения были постоянно натянуты и только в 1887—1894 г.г. обе страны взаимно вели более дружелюбную политику. Греки всегда враждовали с болгарами, обвиняя их в стремлении захватить всю Македонию с ее чисто греческим местами населением. Турецкое правительство рассматривало Болгарию, как своего непокорного вассала, который сбавит тон только после военного разгрома. Ясно было, впрочем, что одна Болгария не будет в состоянии померяться силами с империей османов.

Сербия.

Возникновение Сербии, как государственного организма, относится к 30-м годам прошлого столетия, когда турецкое правительство признало «князя сербов Белградского пашалыка» Милоша Обреновича наследственным правителем управлявшихся им на правах губернатора земель. Этот акт явился наградой за лойяльность сербов в тяжелый для Порты период греческого восстания и русско-турецкой войны. История молодого княжества замечательна борьбой между двумя династиями Обреновичей и Карагеоргиевичей, поочередно свергавших друг друга: Обреновичи 1830 г.—1842 г., Карагеоргиевичи 1842 г.—1858 г., опять Обреновичи 1858 г.—1903 г., снова Карагеоргиевичи с 1903 г.

Одновременно идет постепенное освобождение от пут турецкого сюзеренитета: в 1862 г. турецкий гарнизон покидает Белград, в 1867 г. турки очищают другие крепости Сербии; участие сербского князя Милана в борьбе босняков за свободу в 1876 г. и в русско-турецкой войне 1877—78 г.г. сделало Сербию независимым государством и дало Милану королевский титул.

Сербская история представляет собой пример жизни маленького государства, вынужденного лавировать между дипломатиями соперничающих великих держав. Россия и Австро-Венгрия постоянно стремились вовлечь сербские политические партии в орбиту своей великодержавной политики. Радикальная партия стояла за союз с Россией и выдвигала лозунг присоединения к королевству всех православных сербов, напредняцкая (прогрессивная) партия стремилась к сближению с Австро-Венгрией на почве развития сербо-австрийской торговли и привлечения венских капиталов в сербскую только нарождавшуюся промышленность.

Во внутренней политике радикалы боролись за расширение прав общественного самоуправления, сокращение государственных расходов и уменьшение тяжести налогового обложения. Напредняки стремились к усилению власти чиновников, централизации административного аппарата, созданию европейски обученной постоянной армии, что требовало увеличения налогов.

Из сербских князей руссофилом можно считать только Михаила Обреновича (1860—68 г.), убитого заговорщиками, едва ли не инспирированными Веной. Сменивший его 14-летний Милан первоначально находился в зависимости от регентов с Ристичем во главе, наградивших страну конституцией 1869 г., скопированной с бельгийского образца (впрочем, не было верхней палаты в виду полного отсутствия арасто-

кратии в не знавшей западного феодализма Сербии). С 1872 г. князь правил через посредство австрофильских министерств, пока вызванный босне-герцоговинским восстанием подъем национализма не заставил его призвать к власти радикалов и воевать с турками при поддержке русских добровольцев с генералом М. Г. Черняевым во главе. Война 1877—78 г.г. привела к австрийской оккупации Боснии и Герцоговины, что усилило в сербах вражду к венскому правительству. Если болгарские политики боялись, что их воскресшее отечество станет русской губернией, то тем более было оснований опасаться, что за Боснией придет черед Сербии. Австрия путем ультиматума заставила в 1880 г. радикалов выйти в отставку, после чего страной правило австрофильское напредняцкое министерство. Попытка восстания радикалов привела к «процессу 819», обессилившему эту руссофильскую партию (1883 г.). Вспомним, что в это время Россией правил Александр III, враг активной политики на Балканах, вполне уступивший Болгарию во власть руссофобов.

Соединение Болгарии с Восточной Румелией вызвало в Сербии стремление урвать в свою пользу клочок Турции. Но Австрия советовала Милану напасть на болгар, правильно расчитывая, что в случае поражения рассорившимся с Россией болгарам придется искать защиты только в Вене. Война привела к поражениям войск Милана под Сливницей и Царибродом, после чего болгары, выгнав сербов со своей территории, двинулись на Ниш. Тогда Австрии пришлось спасать своего клеврета Милана от полного разгрома: она заявила болгарскому князю Александру, что «если князь будет продолжать продвигаться по сербской территории, то австро-венгерская армия вступит в Сербию и, следовательно, болгарские войска встретятся уже не с сербскими войсками, а с императорско-королевской армией». Угроза возымела действие; было

заключено перемирие, а в марте 1885 г. в Бухаресте был подписан мирный договор, самый краткий в европейской истории, так как в нем была всего одна статья, гласившая, что между Сербией и Болгарией восстанавливается мир [1]).

Несмотря на то, что австрийская дипломатия спасла Сербию от разгрома, сербское общественное мнение негодовало на то, что Милан взял на себя роль австрийского жандарма, показав себя вдобавок бездарным полководцем. Ему пришлось поэтому, скрепя сердце, призвать руссофильский кабинет, который ограничил власть короля введением конституции (1888 г.), лишившей его права назначать $^1/_4$ часть членов скупщины. Тогда Милан отрекся от престола, не желая быть «королем для подписывания бумаг». Его заменил несовершеннолетний сын Александр под регентством австрофила Ристича, правившего при посредстве регентского совета из представителей обеих партий. Милан опозорил себя ссорой с королевой Наталией, которая, разведясь с ним, увезла наследника в Германию; он вернул сына, который скоро стал королем. Тогда Наталья (родом русская) вернулась в Белград (в 1889 г.), но регенты ее изгнали; так как народ защищал дом, в котором остановилась королева, от полиции, то ее пришлось выслать ночью. Вскоре, впрочем, Милан помирился с женой. В 1893 г. Александр объявил себя совершеннолетним, арестовал регентов и возвратил отца с матерью, причем их развод объявил аннулированным. Недолго удерживая радикальный кабинет, он вскоре примкнул к политике Милана, который получил титул главнокомандующего; к власти были приз-

[1]) С международно-правовой точки зрения очень важно, что со стороны Болгарии трактат 1885 г. подписал один лишь болгарский делегат Ив. Евг. Гешов (о нем еще речь впереди); тем самым турецкое правительство, не участвовавшее в переговорах, уступило вассальной Болгарии право самостоятельно заключать мирные договоры.

ваны напредняки, конституцию 1888 года заменила прежняя 1869 г.

Влияние русской дипломатии, крайне слабое в Сербии, сказалось, однако, в заключении болгаро-сербского торгового договора 1897 г. Тогда Милан добился от сына заключения с Турцией союзной конвенции, направленной против Болгарии. Союз с Турцией и дружба с Австрией сильно возмутили радикалов, неудачное покушение на жизнь Милана привело к введению осадного положения и новому разгрому радикальной партии (июнь 1899 г.).

Но всего год спустя Александр влюбился в придворную даму, вдову Драгу Машину. Это привело к отставке и изгнанию старика Милана, а в день свадьбы король помиловал всех радикалов, осужденных за участие в покушении на жизнь Милана. В 1901 г. король провозгласил новую конституцию, усилившую его популярность.

Королевской чете повредило одно случайное обстоятельство. Драга была торжественно объявлена беременной, но врачи впоследствии установили, что это ложная беременность, лишь плод истерии, давшей ряд физиологических признаков, первоначально введших в заблуждение врачей и двор. Это обстоятельство вызвало толки о бесплодии Драги и о предстоящем назначении наследником ее брата лейтенанта Луневича, что вызвало ропот офицерства, недовольного привилегированным положением родственников Драги. Во внешней политике король сделал ряд промахов, лавируя между Россией и Австрией. Наконец, он стал вести рискованную политику, в связи с чем отменил конституцию 1901 г., сместил ряд сенаторов и высших должностных лиц, ввел суровые законы о печати и затем снова восстановил отмененную конституцию.

Когда в скупщине радикальная оппозиция оказалась в меньшинстве, офицерство организовало переворот: 11 июня 1903 г.

толпа офицеров зверски убила Александра, Драгу, ее братьев, премьера Марковича и военного министра Павловича [1]). Власть перешла в руки заговорщиков.

Убийство королевской четы и министров и надругательства над их трупами были причиной отъезда из Белграда всего дипломатического корпуса. Между тем, четыре дня спустя после переворота «национальное собрание» избрало единогласно королем Петра Карагеоргиевича. Державы, кроме Англии, не замедлили признать новое правительство; Англия согласилась на это лишь по удалении заговорщиков с видных постов. Страною стали управлять с этого момента радикальные кабинеты.

Король Петр сблизился с Россией и Францией. Недовольная Австро-Венгрия отказалась в 1905 г. возобновить связывающий ее с Сербией торговый договор. Тогда Сербия путем соглашений с Болгарией и Румынией направила свой экспорт через Черное море и Архипелаг. Вообще правительство короля Петра строго держалось руссофильской политики, терпеливо выжидая наступления того момента, когда Россия, бросив Дальний Восток, вернется к активной политике на Бал-

[1]) Австрийские источники недвусмысленно объявляют вдохновителем и организатором переворота русскую миссию, а такие видные историки, как Дебидур, видят здесь руку австрийских дипломатов. Вернее всего, что заговором руководил из-за границы Петр Карагеоргиевич, сын свергнутого в 1858 г. австрофила Александра. Но едва ли это давало австрийцам повод расчитывать на симпатии Петра, который считался всегда франкофилом и сражался в 1870-71 г.г. в рядах французской армии. Надо признать, что переворот был выгоден для России, ибо он устранял премьера Марковича, диктаторски правившего при слабовольном короле. Офицерство было близко в своей массе к радикалам, которых всегда поддерживала русская миссия. Но едва ли заговор мог исходить из России в тот момент, когда занятая дальневосточными предприятиями русская дипломатия менее всего желала осложнений на Балканах.

канах. Но раньше России активно выступила Австро-Венгрия. Она подняла осенью 1906 года вопрос о предоставлении ей концессии на постройку железной дороги, соединяющей австрийские дороги с македонскими, создавая прямой железнодорожный путь Вена — Салоники, но встретила отпор со стороны Италии, опасавшейся конкуренции Салоник для своего важнейшего порта по торговле с Востоком — Бриндизи.

Для маленькой Сербии было очень важно такое разногласие между двумя членами могущественного Тройственного Союза, так как осуществление железнодорожного проекта дало бы Габсбургской монархии возможность утвердиться в старой Сербии и Македонии так же прочно, как в Боснии и Герцоговине. Провозглашенная Австрией осенью 1908 г. аннексия последних была большим ударом для сербов, издавна мечтавших об объединении этих областей с Белградом. Поэтому Сербия энергично протестовала против аннексии. Но из всех держав она встретила поддержку только со стороны бессильной Черногории. Россия была слишком ослаблена событиями 1905 — 7 г.г., чтобы оказать реальную поддержку сербам [1]). Тогда Сербия просила компенсации за аннексию

[1]) В начале 1908 г. (21 января) на Особом Совещании военных и дипломатических руководителей русской политики под председательством П. А. Столыпина, созванном для обсуждения ближневосточного вопроса, последний заявил: „...Новая мобилизация в России придала бы силы революции, из которой мы только начинаем выходить... Иная политика, кроме строго оборонительной, была бы в настоящее время бредом ненормального правительства, и она повлекла бы за собой опасность для династии...“ Эти слова, сказанные по поводу русско-турецких разногласий, объясняют вполне сдержанность России в период босне-герцоговинского кризиса, случившегося несколько месяцев спустя, и ее уступчивость перед реальными угрозами Австрии, которую энергично поддерживала Германия, не боясь рассориться с Россией в период своего соперничества с Великобританией.

в форме уступки узкой полосы земли для уничтожения чересполосицы между нею и Черногориею. Но Австро-Венгрия ответила угрозой войны, и Россия посоветовала Сербии подчиниться, что и пришлось сделать.

Сербское правительство признало аннексию Боснии и Герцеговины и обещало Австро-Венгрии отказаться от занятой враждебной позиции и демобилизовать свою армию; добровольческие отряды и четы, образовавшиеся на случай войны, Сербия обязалась обезоружить и распустить.

Такая капитуляция перед Австро-Венгрией, унизительная и обидная для национального самолюбия, не могла, конечно, вернуть Сербию в орбиту австрийского влияния; наоборот, именно с этого момента австрофильские настроения в Сербии окончательно исчезают. На Австро-Венгрию сербы стали смотреть, как на заклятого врага, готового в удобный момент поглотить маленькую нацию. Для сербских политиков стало ясно, что в будущем им предстоит борьба против Вены и Будапешта. А для этой борьбы надо было первоначально обеспечить свой тыл от турок, которые были ненадежны в виду сильного влияния австрийской союзницы Германии на турецкое правительство; далее было очень важно добиться сближения с другими балканскими государствами и устранить отделявшую Сербию от Черногории чересполосицу [1]).

[1]) Стремясь рассорить короля Петра с его тестем Николаем Черногорским, австрийская дипломатия инсценировала судебный процесс, который должен был доказать, что сербские заговорщики, подосланные Петром, готовились взорвать дворец Николая Черногорского, но обвинение было построено слишком нелепо, чтобы ему можно было поверить. Сербия, начавшая сближаться с Черногорией с последовавшим в 1903 г. возвращением династии Карагеоргиевичей, еще более сблизилась с Цетинье в период босне-герцеговинского кризиса, когда Австрия своими аналогичными угрозами по адресу обеих славянских наций только способствовала сплочению южного славянства перед

Но нужно было иметь еще сильного союзника, и, понятно, взгляды сербов устремлялись на Россию, которая возвращалась к активной политике по мере внутреннего успокоения; к тому же надо добавить, что в период босне-герцоговинского кризиса Государственная Дума III-го созыва проявляла несколько раз сочувствие по адресу Белграда. Отсюда становится вполне очевидным, что именно Сербия будет служить целям русской политики на полуострове, получая взамен осторожную поддержку своим притязаниям. Россия, отступившая в 1909 г. перед Австро-Венгрией, сумела, благодаря такту русского посланника в Белграде Н. И. Гартвига, сохранить свой престиж великодержавной защитницы славянства. Австро-Венгрия видела в Сербии русский аванпост на Дунае, преграждающий австро-венгерскому империализму все пути на восток. Добавим еще, что всякое политическое брожение в южных областях Австро-Венгрии считалось результатом шедшей из Белграда великосербской агитации. Следует признать, что сепаратистские настроения австрийских славян несомненно находили живое сочувствие в Сербии, хотя официальные круги держались от этого в стороне.

Турция, насчитывавшая немало сербов в своих западных вилайетах, тоже рисовалась сербам врагом, хотя и гораздо менее опасным, нежели Австро-Венгрия.

Для своего объединения сербскому народу предстояло, следовательно, вынести войну с турками и австрийцами. Сербия начала в 1912 году с первого врага.

лицом общей опасности. В славянских землях Австро-Венгрии начались преследования лидеров национальной оппозиции, которая до 1903 г. не могла опираться на Сербию, управлявшуюся много лет Миланом и Александром в духе австро-сербской дружбы. Теперь южное славянство видело в Сербии слабое по политическому могуществу, но независимое от Австро-Венгрии государство.

Черногория.

Завоевав весь Балканский полуостров, турки не смогли подчинить своей власти сербов, скрывавшихся в неприступных горах к северу от Скутарийского озера. Храбрые горцы на «Черной Горе» (черногорцы) образовали оригинальную военную теократию, управлявшуюся владыками (епископами), передававшими власть от дяди к племяннику (в роде Негошей). Мужчины беспрестанно воевали с турками, делая набеги на турецкие гарнизоны Герцоговины и Албании; домашние работы, не исключая тяжелого физического труда, составляли удел женщины.

Со времен Петра Великого Россия покровительствовала черногорцам, которые нападали на турок во время каждой русско-турецкой войны; так возникла традиционная русско-черногорская дружба. В 1851 г. племянник скончавшегося владыки Данилы не пожелал стать епископом; с согласия своего покровителя Николая I, он женился и провозгласил себя князем Черной горы. Заступничество Николая I спасло его от нападения турок, не желавших признать замену епископии княжеством. После Крымской войны русское правительство начало ежегодно платить черногорскому князю денежную субсидию.

Убитого в 1860 г. Данилу сменил его племянник Николай (воевавший с турками в 1862 и 1876 г.г.). По Берлинскому трактату 1878 г. независимость Черногории признали Турция и все великие державы, которые до сих пор ее не признавали. Турция уступила Николаю территорию, превышавшую по размерам прежнее княжество, с морским портом Антивари, но на Черногорию был наложен конгрессом ряд ограничений ее суверенных прав: ей было запрещено заводить военный флот, порт Антивари и Черногорские воды были закрыты для

военных судов всех наций [1]), укрепления в западной Черногории правительство обязалось срыть; Австро-Венгрия получила право полицейского надзора, морского и санитарного, в черногорских водах, на австро-венгерских консулов было возложено покровительство черногорской внешней торговле; наконец, княжество должно было ввести у себя австрийское морское законодательство.

Эти постановления давали Австро-Венгрии возможность постепенно подчинить Черногорию своему влиянию. Но Россия постоянно давала отпор австрийским притязаниям.

Албанцы воспротивились было переходу округа Подгорицы к Черногории, но демонстрация эскадры судов великих держав заставила албанцев прекратить войну против черногорцев (1881 г.).

Черногория осталась до конца 19 столетия абсолютной монархией, хотя князь еще в 1879 г. учредил законодательный совет из 8 лиц: 4 из них назначались князем, а 4 избирались населением, которое управлялось старейшинами и военачальниками. В общем государственный строй сохранял многие черты патриархального быта.

Во внешней политике Николай держался тесной дружбы с Россией [2]). В 1889 г. русский великий князь (Петр Николаевич) женился на одной из дочерей Николая, ее сестра вышла за близкого русской династии герцога Лейхтенберг-

[1]) Западные державы опасались, что Антивари, первый славянский порт на Адриатике, станет опорным пунктом для русского военного флота.

[2]) Желая подчеркнуть свое недовольство западными державами, в особенности Германией, Александр III произнес в 1889 году тост в честь князя Николая, „единственного искреннего и верного друга России".

ского, а в 1896 году третья его дочь Елена вышла за итальянского наследника, ставшего вскоре, итальянским королем [1]). В 1903 г. сербским королем стал вдовый Петр Карагеоргиевич, который был ранее женат тоже на одной из многочисленных дочерей Николая.

Под давлением русских событий 1904 — 1905 г.г. князь созвал (1905 г.) учредительную скупщину, которая одобрила предложенный им проект конституции, согласно которой устанавливалась парламентарная система, парламент (скупщина) выбирался всеобщим, прямым и открытым голосованием. В первой скупщине взяли верх радикальные элементы; тогда князь распустил ее, в июне 1907 г., что совпало с аналогичными действиями русского правительства. Одновременно было введено в Черногории осадное положение; в результате новых выборов в скупщине не оказалось ни одного представителя оппозиции.

Во время Босне-Герцоговинского кризиса Черногория поддерживала Сербию, но, благодаря давлению со стороны России и Италии, Австро-Венгрия, не давшая никаких компенсаций Сербии, согласилась на отмену всех ограничений, положенных на Черногорию Берлинским трактатом [2]).

[1]) Александр III предполагал одно время женить на Елене своего наследника Николая, но впоследствии этот проект был оставлен. Для Черногории близость к России и Италии имела большое значение; Николай умел использовать эти связи для своих политических целей.

[2]) Кроме того, Австро-Венгрия в своем соглашении с Турцией от 26 февраля 1909 г. отказывалась от всяких притязаний на Новобазарский санджак, отделявший Сербию от Черногории. Эти было сделано опять таки под давлением Италии, настоявшей на выполнении этого требования России. Австро-Венгрия уступала только по тем вопросам, по которым Россию поддерживала Италия.

В январе 1910 г. в закрытый ранее для военных судов всех наций порт Антивари прибыла французская военная эскадра, и осенью того же года Николай провозгласил себя королем с предварительного согласия всех великих держав.

В период албанских мятежей 1909, 1910, 1911 и 1912 г.г. Николай через своих агентов поддерживал повстанцев в надежде на расширение своих владений за счет своего традиционного врага—Турции. Поэтому понятно, что Черногория готова была принять участие во всякой политической комбинации, направленной против Турции, особенно, если эта коалиция создавалась при поддержке русской дипломатии, как это случилось в 1911—12 г.г.

Греция.

Восставшие против турецкого владычества греки были Лондонским протоколом 22 марта 1829 г. признаны в качестве государственного целого.

В отличие от прочих балканских государств Греция не знает переходной стадии полусуверенитета: она сразу стала независимым государством. Протокол 3 февраля 1830 г. определил, что будущий греческий король не должен принадлежать к династиям России, Франции и Англии; 7 мая 1832 г. королем Греции стал баварский принц Оттон.

В пределы молодого государства входили только Средняя Греция, Морея и часть островов Архипелага. Самая богатая и населенная часть Греции — Фессалия, Македония, Эпир и самые крупные острова Крит и Кипр оставались за Турцией (Ионические острова были с 1815 г. оккупированы Англией). Задачей греческой дипломатии было объединение всех греков в единой независимой Греции, но вопрос заключался в том,

на которую из трех великих держав-«покровительниц» [1]) должна ориентироваться Греция для достижения своей заветной цели: франкофильской ориентации держалось население Средней Греции; жители Мореи, руководимые православным духовенством, являлись приверженцами России, англофильская партия имела влияние среди населения островов.

Первые 11 лет король Оттон правил самодержавно при посредстве приведенных им с собой баварских чиновников под защитой отряда баварских волонтеров. В эту эпоху был создан афинский университет, духовный центр эллинской культуры для рассеянных по всему побережью Средиземного и Черного морей греков.

В 1843 г. английская партия при поддержке обеих других партий потребовала от короля удаления баварцев, которые своим привилегированным положением возбуждали недовольство туземного населения. Король согласился на отставку своих министров и удаление баварских солдат. В следующем году национальное собрание заставило принять конституцию, согласно которой создавались две палаты: сенат из членов по назначению короля и палата депутатов, избираемых на три года всеобщей подачей голосов.

Сильный удар нанесла греческой дипломатии крымская война 1853—56 г.г. Русская партия требовала от короля нападения на Турцию и тесного союза с Россией, в Фессалии началось восстание, которое поддерживалось из Греции. Франция и Англия, воевавшие против России в союзе с турками, угрожали Оттону свержением с престола. И несмотря на по-

[1]) Россия, Франция и Великобритания, победой при Наварине спасшие греческих повстанцев от разгрома и силой оружия заставившие султана признать независимость Греции, получили название держав-покровительниц. Их отношение к Греции определено договором 7 мая 1832 г.

ражение России, греки не простили Оттону его уступчивости в отношении англо-французов. Восстание войск привело в 1862 г. к свержению Оттона.

Англия обещала отдать грекам Ионические острова, если они выберут английского кандидата,—этого было достаточно, чтобы английский принц получил свыше 230 тысяч голосов, а русский претендент герцог Лейхтенбергский всего 2.400. Но дипломаты вспомнили, что, согласно Лондонскому протоколу, были устранены кандидатуры членов династий держав-покровительниц. Тогда Англией был выдвинут датский принц Георг, который и стал с 1863 г. королем. Ионические острова перешли к Греции, причем главнейшие—Корфу и Пакос—были нейтрализованы. Конституция 1864 г. привела к уничтожению сената и парламентская борьба сосредоточена исключительно в булэ (палате депутатов).

В последующие годы в Греции боролись русская и английская партии. В 1877 г. русская дипломатия пыталась сначала втянуть греков в войну с турками, но безуспешно, а Сан-Стефанский трактат включил в пределы Болгарии греческие местности Македонии, что отбросило греков в сторону английской ориентации. Английская дипломатия настояла на Берлинском конгрессе на уступке грекам Фессалии и южного Эпира, что, впрочем, не помешало англичанам оккупировать населенный греками Кипр, который она Греции не уступила. Берлинский конгресс предложил Греции и Турции размежеваться полюбовно, обещая в случае неудачи посредничество великих держав. Греко-турецкие переговоры чуть не привели к войне; тогда державы добились заключения греко-турецкого договора (1881 г.), согласно которому Греция получила Фессалию с городом Лариссой и южный отрезок Эпира с городом Артой.

Объединение Болгарии с Восточной Румелией в 1885 г. дало повод Греции мобилизовать армию и потребовать ком-

пенсаций. Она расчитывала на поддержку России и Великобритании. Но расчет был ошибочен: державы отвергли греческие притязания. Франция тщетно уговаривала греков разоружиться, тогда прочие пять держав прибегли к блокаде, заставившей Грецию демобилизовать свою армию.

Десять лет спустя снова встал вопрос о греко-турецкой войне из-за Крита. Еще в 1868 г. был издан «органический статут» Крита, гарантировавший его автономию. Берлинский трактат подтвердил обязательство Турции провести этот статут в жизнь; был создан парламент из 49 христиан и 31 мусульманина. Но греческое население Крита, желавшее присоединения острова к Греции, восставало в 1885, 1887 и 1889 г.г. В 1894 г. законодательное собрание потребовало назначения губернатором грека, в 1895 г. был назначен грек Кара-Теодори-Паша [1]), на что мусульмане реагировали погромами. Прибытие судов великих держав не прекратило начавшейся гражданской войны. В феврале 1897 г. на острове высадился греческий десант, на что державы ответили блокадой Крита.

Под давлением общественного мнения греческое правительство объявило в апреле 1877 г. войну Турции, расчитывая на помощь Сербии и Болгарии, но Россия и Австро-Венгрия, желая локализовать конфликт, удержали обе нации энергичными нотами. Порта, со своей стороны, задобрила сербов и болгар различными уступками в Македонии. Это расстроило планы греческой дипломатии. Суровые полицейские меры в зародыше подавили повстанческое движение в Македонии. Манифестации английских парламентариев в пользу Греции не дали никаких практических результатов. К греческим войскам прибыл на подмогу только итальянский добровольческий

[1]) Известный работами в области международного права; был турецким делегатом на Берлинском конгрессе 1878 г. и на Брюссельской конференции 1890 г. по борьбе с торговлей неграми.

отряд, возглавляемый сыном Гарибальди и социалистом Гамилькаром Чиприани. В первые дни войны греки заняли часть Эпира, но вскоре турки одержали блестящие победы, разгромив в трех сражениях греческую армию. С Крита был отозван десант и Греция стала просить посредничества держав. Николай II телеграммой на имя султана остановил победное шествие турецкой армии и вынудил турок пойти на перемирие. Турки, требуя уступки всей Фессалии и огромной контрибуции, встретили поддержку со стороны германской и австро-венгерской дипломатии [1]). Прочие четыре державы стремились облегчить тяжелые для греков условия мира. В результате Греция уступила туркам ряд стратегически важных пунктов Фессалии и обязалась уплатить контрибуцию в 40 миллионов золотых рублей; в обеспечение уплаты контрибуции турки оккупировали Фессалию.

Первым последствием войны было учреждение над Грецией международного финансового контроля [2]). «Державы-покровительницы» взяли на себя защиту Греции: они гарантировали греческий заем, настояли на эвакуации турок из греческой Фессалии и на автономии Крита, губернатором которого был назначен сын греческого короля принц Георгий. Таким образом, несмотря на неудачную войну, грекам удалось косвенно поставить во главе острова свою власть.

Вопрос о Крите потерял временно свою остроту, но зато македонский вопрос внушал грекам серьезные опасения: восстания четников, требовавших присоединения к Болгарии всей Македонии, заставляли тревожиться за судьбу греческого насе-

[1]) Как раз в это время началось германо-турецкое сближение, приведшее много лет спустя к выступлению Турции в качестве германского союзника в мировой войне.

[2]) О введении финансового контроля над Грецией см. мою статью „Международные гарантии уплаты государственных долгов" в журнале „Экономическое Возрождение" 1922 г. № 2.

ления этой разноплеменной области. На Балканах господствовало убеждение, что рано или поздно Турция потеряет свои европейские владения, поэтому греки расчитывали, что значительная часть турецкой территории достанется им. Гораздо меньше было оснований когда-либо расчитывать на приобретение земель, вошедших в пределы покровительствуемой России Болгарии; вот почему многочисленные греческие организации поддерживали в смутные годы македонского кризиса турецкое правительство и настаивали на сохранении Македонии в пределах Турции. Этим объясняется борьба греческих чет против болгарских, натянутые отношения с Болгарией и Сербией, конфликт с Румынией в 1905 г. Греки не могли кроме того простить славянским нациям их нейтралитета в тяжелой для греков войне против турок.

Из великих держав Греция опиралась на Великобританию, с которой ее связывали экономические интересы. Целый ряд важнейших отраслей промышленности финансировался английским капиталом; в руках английских концессионеров находились многие предприятия по разработке железа, мрамора и магнезии. Греческие займы через посредство «комиссии греческого государственного долга» размещались по преимуществу на английском денежном рынке.

Младотурецкая революция дала новый повод критскому собранию потребовать присоединения острова к Греции. Но державы во избежание осложнений воспрепятствовали этому. В конце 1911 г. английские и французские суда не допустили переезда в Афины выбранных критским национальным собранием депутатов в греческий парламент [1]).

[1]) История Крита, запутанная и сложная, дает картину борьбы между греческим населением, поддерживаемым греческими организациями континента, и мусульманами, руководимыми муллами и кадиями и покровительствуемыми турецкой администрацией. Критский

В то время в Греции у власти был Елефтерий Венизелос, который ясно понимал, что без победы над турками на поле битвы грекам не получить ни Крита, ни Македонии, а победить турок можно только при помощи болгар и сербов.

Из этого краткого очерка видно, что в Греции происходила борьба между дипломатией русской, французской и английской; последняя постепенно превалирует над своими соперниками. Весьма важно вспомнить, что в первое десятилетие 20 века создалось «Согласие» этих трех держав, которые впоследствии повели в Греции единую политику. Германское влияние начало проявляться значительно позднее.

Интересно отметить, что в экономическом отношении Греция, несмотря на неплодородие своей почвы и скудость минеральной природы, находилась в гораздо более благоприятных условиях, нежели прочие балканские государства. Это объясняется значительным притоком в Грецию капиталов от греческих купцов, ведших торговлю в иностранных государствах. Во всех крупных портах Черного и Средиземного морей осели греческие коммерсанты, остававшиеся греками в душе. Многие из них, разбогатев в чужих краях, завещали огромные капиталы на создание в Греции всевозможных учреждений; на их средства возникли многие учебные заведения, больницы, были построены лучшие суда греческого военного флота. Греки, живя за границей, не только не сохраняли связь с родиной, но местами даже ассимилировали местное менее культурное население; число греков в Турции, Египте, Италии и на юге России быстро увеличивалось, в одной азиатской Турции гре-

вопрос имеет обширную литературу, среди которой преобладают труды греческих писателей: Сариполоса, Стрейта, Политиса и др. На русском языке можно рекомендовать для справок „Хронику дипломатической истории Крита с 1896 по 1913 г.“, помещенную в „Известиях Министерства Иностранных Дел“ за 1913 г. книга IV.

ков было свыше миллиона, на Кипре свыше 200.000, в Египте 100.000, в России 150.000. Любопытно, что в выборах греческого короля в 1863 г. принимали участие греческие колонии за границей, почему в отличие от Оттона, называвшегося королем Греции, Георг принял при вступлении на престол титул «короля эллинов».

Греции удавалось добиться территориального расширения исключительно при посредстве дипломатических соглашений (Ионические острова в 1863 г., Фессалия в 1881 г.), но не силой оружия. Поэтому естественно было ожидать, что греки после кровавых неудач единоборства 1897 г. не рискнут выйти на поле битвы без союзников. Но для заключения союза со славянскими нациями необходимо было отказаться хотя бы временно от непомерных панэллинских притязаний на Эпир, южную Албанию, всю Македонию, Фракию, проливы, весь Архипелаг, Смирну и даже Константинополь. Эти притязания являлись непреодолимыми препятствиями для создания балканской коалиции, которая возникла только во втором десятилетии 20 века [1]).

Возникновение Балканского союза.

Наблюдателю международной политики в 1911 г. было ясно, что балканский вопрос, составлявший в течение многих лет предмет забот и волнений европейской дипломатии, грозит большими осложнениями, вытекающими из нового курса

[1]) Внутренняя политическая жизнь Греции при Георге была очень несложной. Партийная жизнь сводилась к борьбе сторонников различных политиков Раллиса, Трикуписа, Дельяниса (убитого в июне 1905 года) и Теотокиса. Венизелос выдвинулся при поддержке „военной лиги“ вскоре после восстания военной эскадры с лейтенантом Типальдосом во главе.

политики как России, так и Австро-Венгрии. В 1903 г. обе державы согласились поддерживать существующее положение на Балканах, что объясняется тем, что Россия была в тот момент занята своей активной политикой на Дальнем Востоке, а Австро-Венгрия хотела избежать конфликтов с Россией, которые заставляли ее искать поддержки Германии, что угрожало зависимостью от своего сильного союзника, от опеки которого хотел освободиться австро-венгерский министр иностранных дел граф Голуховский [1]).

Но потом при преемнике Голуховского Эрентале Австрия повела активную политику на Балканах, начав от проекта железной дороги на Салоники и кончив в 1908 г. аннексией Боснии и Герцоговины.

Аннексия Боснии и Герцоговины явилась неожиданным для России актом. Она предложила созыв конференции для пересмотра некоторых пунктов Берлинского трактата в связи с австрийским и болгарским выступлением. Программа конференции была намечена из таких вопросов, как независимость Болгарии; аннексия Боснии и Герцоговины; права Австро-Венгрии на Новобазарский санджак; проведение реформ в Европейской Турции и Армении; отмена ограничений, установленных для Черногории; компенсация Сербии и Черногории за аннексию и др.

Австрия, однако, уклонилась от конференции; путем сепаратного соглашения с Турцией она лишь отказалась от прав на Новобазарский санджак, предоставленных Австро-Венгрии Берлинским трактатом, и затем согласилась отменить в отно-

[1]) Так объясняет мотивы поведения Голуховского С. А. Котляревский. См. его: Австро-Венгрия в годы мировой войны (Москва 1922 г.), стр. 12.

шении Черногории ограничения этого трактата. По всем другим пунктам Россия ничего не добилась [1]).

Кризис 1908—1909 годов знаменовал собою сильное поражение русской дипломатии [2]). По существу ничего не изменилось на Балканах, ибо оккупация Боснии и Герцеговины давно приняла постоянный характер и едва ли кто серьезно думал, что Габсбургская империя когда-либо вернет эти области туркам или передаст Сербии.

Акт аннексии имел, в сущности, лишь декларативное значение, но последствия его были крайне важны и серьезны. Сорвав соглашение 1903 г. с Россией о status quo на Балканах, Австрия сильно обострила свои отношения с русским правительством и усилила свою зависимость от Германии, оказавшей ей энергичную поддержку; Россия, недовольная поведением Германии в 1908—9 г.г., стала быстро сближаться с ее соперником — Англией; Болгария, провозгласившая при поддержке Австро-Венгрии свою независимость, стала стремиться к гегемонии на полуострове; Сербия отказалась от всякого австрофильства и перешла в русский лагерь; Черногория сблизилась с Сербией перед общей опасностью быть поглощенными Австро-Венгрией. Внеся изменения в созданное в 1878 году Берлинским трактатом и закрепленное в 1897 г. в Петербурге и в 1903 г. положение в Мюрцштеге на Балканах, Австрия заставила другие державы искать компенсаций и открыла тем самым ящик Пандоры, откуда вылетели постигшие Европу бедствия войны.

Россия решила стоять за тесное сотрудничество с Великобританией и считала желательным получить компенсации за

[1]) О причинах пассивности России см. выше.

[2]) Так его расценивали политики и общественное мнение; в действительности поражение России объясняется неподготовленностью русской армии к реальной поддержке усилий ответственной дипломатии,

аннексию Боснии и Герцеговины именно на Балканах. Одновременно Россия сделала попытку сблизиться с Италией, которая в 1908 г. оказала поддержку Австрии. В 1909 г. было заключено с Италией следующее секретное соглашение по Балканскому вопросу, которое сохранялось в тайне до последнего времени [1]), а между тем оно заслуживает быть приведенным полностью:

«1. Россия и Италия должны стремиться прежде всего к сохранению status quo на Балканском полуострове.

2. При всякой могущей возникнуть на Балканах случайности они должны настаивать на применении принципа национальностей путем развития Балканских государств в целях устранения всякого постороннего господства.

3. Они обязуются общими действиями противостоять всякому действию, противному вышеизложенным положениям;

[1]) Насколько строго сохранялась тайна этого соглашения, показывает следующий факт: французская дипломатия не знала его условий в продолжение трех лет. Осенью 1912 г. в разгар Балканской войны Пуанкарэ просил русского посла Извольского ознакомить его с текстом русско-итальянского соглашения, обещая взамен сообщить ему франко-итальянское соглашение в 1902 г., заключенное французским послом в Риме с итальянским министром иностранных дел. Извольский передал министру иностранных дел Сазонову просьбу Пуанкарэ, но получил в письме от 1 ноября отказ. Тогда он снова стал убеждать Сазонова выполнить просьбу Пуанкарэ, указывая, что „положение, при котором две союзных державы скрывают друг от друга свои соглашения с вероятным противником—совершенный абсурд" (письмо от 8—21 ноября). Тогда Сазонов прислал Извольскому копию соглашения, чтобы он наедине прочел ее вслух Пуанкарэ, а затем вернул ему обратно, взяв с Пуанкарэ „обещание умолчать об этом не только в Совете министров, но даже перед ближайшими помощниками". Извольский 22 ноября—4 декабря прочел Пуанкарэ приведенный выше текст соглашения. На письмах Извольского к Сазонову по этому поводу имеется отметка, что их читал Николай II.

под «общими действиями» следует понимать дипломатические действия, всякие действия иного порядка должны, само собой, определяться последующими соглашениями.

4. Если Россия и Италия захотят заключить для Восточной Европы новые соглашения с третьей державой, сверх ныне заключенных, каждая из них должна это делать только с участием другой.

5. Италия и Россия обязуются соблюдать с благожелательством, одна интересы России в вопросе о проливах, другая интересы Италии в Триполитании и Киренаике».

Это соглашение имело большую важность, ибо оно отделяло Италию от прочих членов Тройственного Союза и предусматривало противодействие стремлениям всякой державы к территориальным приобретениям на полуострове; ясно, что здесь имелась в виду Австро-Венгрия, так как никакая другая небалканская нация не могла думать о приобретении балканских земель. Правда, противодействовать предполагалось только дипломатическими средствами, но важно было уже то, что этим устранялось содействие актам, аналогичным босне-герцоговинской аннексии 1908 г.

В 1908 году Россия могла расчитывать только на поддержку Парижа; после перенесенных неудач она должна была успеть к следующему балканскому кризису обеспечить за собой, если не поддержку, то по крайней мере отказ от противодействия со стороны Лондона и Рима. Вот чем объясняются усилия в направлении сближения с Великобританией и Италией [1]).

[1]) При этом русская дипломатия имела конечной целью захват проливов: Босфора и Дарданелл. Но для этого было необходимо не только окончательно подорвать и уничтожить Турцию, но и суметь дать отпор Германии и Австро-Венгрии.

Желательно было также объединение славян против Австро-Венгрии. Эта политика встречала сочувствие Франции, получавшей взамен русскую поддержку для своих планов в Марокко.

Ослабленная внутренними переворотами 1908 и 1909 г.г. и албанскими восстаниями 1910, 1911 и 1912 г.г., Турция являлась объектом вожделений политических вождей всех четырех балканских государств, тем более, что после 1909 г. стало ясно, что младотурецкая революция не оздоровила Турции и ничем не улучшила положения ее христианских подданных. Слабость Турции и надежда на поддержку России побудили балканские державы сделать попытку общими силами разрешить в свою пользу балканский вопрос. Инициатором создания коалиции явился болгарский премьер И. Е. Гешов. В октябре 1911 г. он начал переговоры с сербским премьером Миловановичем о союзе против Турции. Они условились заключить союзный договор и военную конвенцию, а при разделе отвоеванной Македонии обратиться к арбитражу русского царя Николая II. При первом же разговоре Милованович заявил, что «без России нельзя и не нужно ничего предпринимать». Секретные переговоры велись все время с ведома русского министра иностранных дел С. Д. Сазонова и русских посланников: в Софии—Неклюдова и в Белграде—Гартвига. Сербы посвятили в переговоры и французскую дипломатию [1]), которая поощряла сближение Сербии с Болгарией.

В феврале 1912 г. был подписан болгаро-сербский союзный договор, а в апреле была заключена военная конвенция. Наиболее существенными пунктами этих актов были: отказ от

[1]) Интересно отметить, что Извольский не был посвящен в эти переговоры.

выступления против турок без предварительного согласия России и разрешение всех разногласий между союзниками третейским судом Николая II; в случае нападения Румынии на Болгарию сербы посылают на помощь 100.000 войска, а 200.000 болгар помогут Сербии в случае нападения Австро-Венгрии или если последняя «под каким бы то ни было предлогом, с согласия или без согласия Турции, вышлет свои войска в Новобазарский санджак». Таким образом союз был косвенно направлен против Австро-Венгрии.

Еще в мае 1911 г. греческий премьер Венизелос искал сближения с Болгарией. Ответ был уклончив, так как Гешов желал предварительно столковаться с Сербией. Но в конце 1911 г. начались переговоры Греции с Болгарией о союзе против Турции, и в мае 1912 г. был подписан соответствующий договор.

Обе нации обязывались взаимно оказать друг другу военную помощь в случае нападения со стороны Турции. Далее обе нации взяли на себя гарантию выполнения столь ненавистного им в свое время Берлинского трактата 1878 года. Берлинский трактат обязал Турцию провести ряд административных реформ, которые должны были быть разработаны особыми комиссиями с участием представителей туземного населения каждой местности. Это осталось мертвой буквой, что давало удобный повод балканским государствам для вмешательства в македонский вопрос под предлогом требования выполнения Берлинского трактата. Спор обоих союзников с турками по вопросу о реформах в Македонии мог всегда дать им удобный повод для вооруженного нападения на Турцию. Затем оба правительства обещали друг другу принять к примирению враждовавших между собой болгар и греков Македонии. Указанным соглашением Болгарии с Грецией был положен, правда временно, предел болгаро-греческим распрям в Маке-

донии; всего несколько лет тому назад, в 1901—03 годах, болгарские и греческие четы уничтожали не только друг друга, но и мирное крестьянское население смешанных областей; теперь же дипломатия Софии и Афин должна была оказать на четы умеряющее влияние, а в недалеком будущем, всего полгода спустя, им предстояло встретить обе союзные армии, из которых одна с севера, а другая с юга вторглись в Македонию.

Греко-болгарский союз был заключен на три года, стороны обязались содержать договор в тайне. Тайна соблюдалась действительно строго.

Одновременно было оговорено в особой декларации, что в случае греко-турецкой войны на почве Критского вопроса Болгария не обязана оказывать грекам вооруженной поддержки, а должна только соблюдать благожелательный в отношении Греции нейтралитет.

Отсюда вытекало, что обе стороны готовились к войне из-за Македонии, на которую они обе имели виды.

Для обеих сторон было вполне ясно, что в случае победы над турками будет произведен раздел Македонии. Они, повидимому, обсуждали этот вопрос, но тем более странным кажется отсутствие соглашения о разделе Македонии. Возможно, что обе стороны просто избегали решать слишком спорные вопросы, оставляя их открытыми до более отдаленного будущего. Во всяком случае следует признать вполне правильным следующее замечание по поводу греко-болгарского союзного договора: «Времени для выяснения взаимных претензий, казалось, было достаточно: «оборонительный» договор заключался более, чем за четыре месяца до открытия военных действий. Таким образом конфликт между Болгарией и Грецией был неизбежен, и ничего не сделано, чтобы его преду-

предить» [1]). Вплоть до начала войны не было подписано никакого соглашения о разделе территорий, зато все время шли оживленные переговоры между представителями генеральных штабов о заключении соответствующей военной конвенции. Эти переговоры увенчались успехом: 22 сентября—5 октября была подписана болгаро-греческая военная конвенция, согласно которой Греция выставляет 120.000 войска, а Болгария 200.000 человек; кроме того Болгария гарантирует Греции участие в боевых операциях 120.000 сербской армии.

В августе 1912 г. болгарский посланник в Цетинье заключил устное соглашение о союзе против Турции с черногорским премьером [2]).

Теперь болгарам оставалось привлечь к союзу Румынию, но это было, несомненно, труднее всего; ведь союз создавался для борьбы с Турцией под эгидой России [3]), к которой Румыния относилась враждебно,—недаром она заключила с Австро-Венгрией военную конвенцию, направленную против России. Поэтому, когда болгарский посланник в Бухаресте предложил Румынии заключить соглашение, то получил в ответ только уверения в будущем благожелательном отношении Румынии к болгарским интересам и в том, что в случае вооруженного конфликта Болгарии с третьей державой, Румыния сохранит

[1]) В. Водовозов. На Балканах (стр. 40).

[2]) Устные договоры встречаются крайне редко; с точки зрения международного права они действительны и обязательны для сторон; конечно, о них должен остаться след в форме письменного документа, ибо нельзя надеяться лишь на память контрагентов. Гешов говорит, что в болгарском министерстве иностр. дел сохранился конфиденциальный доклад посла об условиях соглашения. Этот доклад доныне не опубликован.

[3]) Французский историк Driault считает Россию инициатором союза и его создание он объясняет русским вмешательством („une intervention diplomatique très habile de la Russie").

дружественный нейтралитет; кроме того Румыния опровергала слухи о существовании тайной турецко-румынской военной конвенции. Старый и опытный руководитель румынской политики Маиореску предпочитал, не связывая себе рук, дождаться конца надвигавшегося кризиса и, выступив со свежими силами румынской армии, продиктовать свои условия и победителям, и побежденным. Расчет оказался правильным [1]).

Николай II согласился быть арбитром, как это предусматривалось секретным приложением к сербо-болгарскому договору. Таким образом возникла под эгидой России мощная четверная коалиция, направленная против Турции. Эта коалиция должна была произвести раздел европейской Турции и ослабить еще до европейской войны ту державу, которая в 1918 г. оказалась наиболее верным союзником гибнущей Германии.

Когда Пуанкарэ в августе 1912 г. ознакомился с сербо-болгарскими соглашениями, то сразу указал, что эти акты могут привести к войне между великими державами в результате осложнений на Балканах и заявил, что Франция не сможет поддерживать военное выступление России, вызванное балканскими делами [2]). Казалось поэтому, что Россия, затевая очень сложную операцию на Балканах, изолирована и

[1]) Таким было поведение Румынии во дни великой войны: до осени 1916 года она колебалась, не зная на чьей стороне окажется победа; затем она примкнула к более сильной коалиции и, несмотря на совершенно неожиданные для румынских политиков перемены в России в 1917 г. и Бухарестский мир 1918 г., выиграла больше, чем могла ожидать, получив не только австро-венгерские территории, но и Бессарабию, на что в 1916 г., конечно, нельзя было расчитывать.

[2]) См. мою статью в журнале „Русское прошлое" № 3, а также „Материалы по истории франко-русских отношений", изд. Н. К. И. Д. Москва 1922 г. стр. 258—259.

предоставлена самой себе; на самом деле положение было гораздо более благоприятно для русского правительства. Австро-Венгрия одна не рискнула бы выступить с оружием в руках против своего восточного соседа, а нападение Германии на Россию составляло для Франции casus belli, предусмотренный франко-русской военной конвенцией 1892 года. Вмешательство Франции в случае русско-германской войны было настолько очевидно, что германские стратеги строили планы войны всегда на два фронта.

Таким образом создалась к осени 1912 г. балканская коалиция, относительно которой можно сделать такие выводы: главную роль в созидании союза играла Болгария, руководимая руссофилом Гешовым; Сербия отнеслась сдержанно к болгарским проектам; Венизелос понимал грандиозное значение всего совершаемого, но предоставлял инициативу Болгарии; Черногория шла на соглашение спокойно, будучи уверена в обычной поддержке русской дипломатии; Румыния вполне сознательно уклонилась от участия в четверной коалиции, расчитывая впоследствии диктовать истощенным войной сторонам свои условия; Россия играла крупную роль в создании сербо-болгарского союза и приняла под свое покровительство всю коалицию; Франция поддерживала весьма осторожно русскую политику, опасаясь в то же время могущих вспыхнуть общеевропейских конфликтов, чреватых последствиями далеко за пределами Балканского полуострова; прочие великие державы, повидимому, были мало осведомлены о возникавшей коалиции, в том числе и австро-венгерская дипломатия, против которой был косвенно направлен союз четырех балканских государств; Турция не приняла никаких мер к предотвращению опасности гораздо более грозной, нежели та война, которую она вела против Италии в северной Африке и в Архипелаге.

Война против Турции и отношение к ней великих держав.

Пока шли переговоры между союзниками весною 1912 г., в Албании вспыхнуло четвертое ежегодное восстание. Николай Черногорский поддерживал в момент восстания вождя албанского племени малиссоров, расчитывая впоследствии присоединить к Черногории северную Албанию (район Скутари). Повстанцам удалось разбить турецкие регулярные войска. Испуганная Порта, озабоченная в тот момент операциями итальянского флота в Архипелаге, в ответ на ультиматум албанских вождей обещала им территориальную автономию в пределах всего Скопского и Битольского вилайетов. Это вызвало сильное недовольство сербов и греков, так как при таком разрешении вопроса сербы в Старой Сербии и греки в юго-западной Македонии попадали под власть албанцев; затем такая капитуляция Порты перед албанскими мятежниками показала, что путем угроз и насилий можно добиться от нее больших уступок.

Началось брожение среди славян, приведшее к резне сербов в Беране и болгар в Кочане, что вызвало возбуждение общественного мнения в балканских странах и побудило союзные правительства поторопиться с заключением военных конвенций. Король Николай Черногорский предложил объявить войну Порте, на что последовало (21 сентября) согласие Болгарии, Греции и Сербии. Дипломатический поход четырех балканских держав против Турции, начавшийся с невиданным доселе единодушием, напугал австрийскую дипломатию, привыкшую считать, что болгаро-сербские и болгаро-греческие разногласия в Македонии делают немыслимой их совместную борьбу против Турции. В это время австро-венгерским ми-

нистром иностранных дел был бездарный Берхтольд, преемник скончавшегося в 1912 г. Эренталя. Он решил спасти «больного человека» от одновременного нападения с четырех сторон и предотвратить войну. Сазонов также был против войны, опасаясь, что при разделе освобожденной Македонии союзники рассорятся и союз распадется еще до начала решительного столкновения России с Австро-Венгрией.

Исходя из разных побуждений, оба соперника решились на единодушный общий шаг: 14/27 сентября Россия и Австро-Венгрия вручили союзникам ноту, в которой заявляли, что осуждают заранее всякую попытку нарушения мира, берут на себя настоять на проведении турецким правительством широких реформ в Македонии и не допустят по окончании войны, независимо от ее результатов, никаких территориальных изменений на Балканах.

В тот же день пять великих держав (без Италии, воевавшей в то время с турками) потребовали от Порты проведения реформ в Македонии, но получили уклончивый ответ, объяснявшийся тем, что Турция недооценивала силы и единодушие своих врагов и расчитывала на поддержку Австро-Венгрии, которой было крайне опасно всякое усиление славянских государств.

Желая поставить державы перед совершившимся фактом, Черногория объявила 8 октября войну Турции, а затем Болгария, Сербия и Греция заявили великим державам, что намерены обратиться непосредственно к Турции; этот шаг, отвергавший всякую попытку посредничества и вмешательства великих держав, явился первым открытым выступлением созданной втихомолку коалиции.

В тот же день союзники потребовали от Порты введения в шестимесячный срок ряда реформ: автономия народностей, пропорциональное представительство населения в турецком

парламенте, допущение христиан ко всем общественным должностям, равноправие школ всех вероисповеданий, назначение губернаторами бельгийцев или швейцарцев с одобрения великих держав, и т. д., а также учреждение при великом визире высшего совета из равного числа мусульман и христиан для надзора за проведением в жизнь вышеизложенных реформ. Союзники понимали, что принятие младотурецким правительством этих требований могло привести к контр-революции,—ведь контр-революция в апреле 1909 г. была последствием признания младотурками аннексии Боснии и Герцеговины и независимости Болгарии.

Порта оставила ультиматум союзников без ответа и только поторопилась немедленно заключить мир с Италией. В день заключения итало-турецкого мирного договора союзники объявили войну Турции. Победы сербов в Македонии и болгар во Фракии, занятие греками Салоник сокрушили в два месяца военную мощь Турции и привели к перемирию 23 ноября—5 декабря 1912 года [1]).

В самый разгар войны, после разгрома западной турецкой армии сербами и восточной армии болгарами, Сазонов в телеграмме к русским представителям при правительствах великих и воюющих держав намечал следующие основы, на которых великие державы могли бы предложить воюющим свое

[1]) Ход военных операций показал, что болгары, ученики России, и сербы и греки, ученики французских инструкторов, лучше обучены, нежели турки, прошедшие школу немца фон дер Гольца. Это вызвало в Германии и Австро-Венгрии страх перед будущей войной против России и Франции и усилило горячку вооружений. Отметим интересную книгу Pierre Loti „La Turquie agonisante" (Paris 1913), в которой автор с присущим ему талантом защищает турецкое дело и упрекает французское общественное мнение за проявленное им туркофобство.

посредничество: Константинополь и восточная Фракия с Адрианополем остаются под реальным суверенитетом султана, прочие территории Европейской Турции отходят к союзникам: Албания образует автономную область под главенством султана; Румыния получает от Болгарии небольшую территориальную компенсацию; Афон сохраняет свое обособленное положение с духовным подчинением власти вселенского патриарха.

Необходимость посредничества между воюющими Сазонов мотивировал тем, что «только быстрое и единодушное согласие держав на эти условия может *предотвратить опасность занятия Константинополя* союзниками и связанных с этим общеевропейских осложнений, ибо если союзники не получат твердого обеспечения своих желаний от держав, то ограниченность их рессурсов, не дозволяя им ждать, может привести к необходимости занять Константинополь, чтобы иметь в руках твердое обеспечение».

Эта телеграмма служит лучшим доказательством того, насколько русская дипломатия боялась захвата союзниками Константинополя. Русское общество шумно приветствовало болгарские победы, но оно не отдавало себе отчета в последствиях падения турецкой столицы: ведь если бы даже болгары великодушно отказались от него, то скоро ли бы они его эвакуировали, мало ли поводов дала бы оккупация Стамбула ко вмешательству великих держав? Теперь хорошо известно, насколько все западные державы были против захвата русскими Константинополя; ведь только в марте 1915 г. после нескольких месяцев войны, Англия и Франция согласились на переход к России проливов и Константинополя.

Озадаченная успехами союзников, Австро-Венгрия не решилась выступить против них с оружием в руках. Ей не удалось даже настоять на сохранении statu quo, о чем говорила вышеупомянутая русско-австрийская нота.

По инициативе французской дипломатии великие державы заявили о своей незаинтересованности в территориальных приращениях на Балканах; этот ход лишил Австро-Венгрию возможности расширить свои владения на полуострове. Одновременно Россия стала настаивать на отказе Турции от всех завоеванных союзниками территорий, исключая восточной Фракии с Адрианополем. Австро-Венгрия не могла с этим согласиться, ибо это отдавало фактически весь полуостров в руки руссофильской коалиции, а усиление Сербии угрожало безопасности ее славянских владений. Германия встала на сторону своего союзника, что усилило рост антиавстрийских настроений во Франции; начались военные приготовления срочного порядка, и призрак войны повис над Европой.

Наименее заинтересованная в балканских делах Великобритания предложила поручить урегулирование балканского вопроса конференции послов при английском дворе. Предложение было принято. Еще до этого выступала с требованием компенсаций Румыния, опиравшаяся на поддержку Германии и Австро-Венгрии, обещавших ей свою помощь. Выступление Румынии наносило удар в спину союзникам и осложняло крайне запутанное положение вещей.

3/16 декабря 1912 г. начались в Лондоне переговоры между Турцией и четырьмя союзниками, из которых Греция не прекращала во время переговоров военных операций.

Отчаянное военное положение Турции отлично понимал великий визирь Киамиль-паша, один из талантливейших деятелей Гамидовской эпохи, сумевший вернуть свое влияние при младотурках, убежденный англофил, расчитывавший на поддержку со стороны Великобритании.

Союзники потребовали отказа от территорий к западу от линии Малатра-Родосто, всех островов Архипелага и Крита, а также возмещения военных расходов.

Турецкие делегаты согласились на уступку территорий к западу от Марицы; вопрос об Албании и Крите они предлагали оставить открытым до решения конференции послов о границах первой и судьбе второго. Но в вопросе об Адрианополе и островах они и слышать не хотели об уступках. Адрианополь тем временем успешно выдерживал болгаро-сербскую осаду; это был город, с которым были связаны исторические воспоминания о славном прошлом Оттоманской империи, о лучшем периоде жизни турецкого народа. Отказ в уступке островов турки обосновывали близостью одних к Дарданеллам, других к малоазиатскому берегу.

В самой Турции против уступок протестовали находившиеся в тот момент в оппозиции младотурки; ими руководил Энвербей. Он не сомневался в том, что Германия не позволит России активно выступить на помощь союзникам, если турки, перейдя в наступление, освободят Адрианополь и одержат над союзниками победу.

Не так рассуждало турецкое правительство, понимавшее всю бесполезность продолжения войны с неспособными к наступлению остатками прежней армии. Киамиль убедился в том, что Россия и Франция поддерживают планы союзников, Австро-Венгрия и Германия застигнуты кризисом врасплох, Великобритания не поддерживает Турции, что следует рассматривать как результат ее сближения с Россией. Турки не могут расчитывать на военные успехи в случае возобновления военных действий.

Поэтому Киамиль приказал своим делегатам в Лондоне пойти навстречу притязаниям союзников. Делегаты уступили в особенно остром вопросе об Адрианополе и согласились на линию Мидия—Энос.

Одновременно шли в Лондоне безуспешные переговоры между болгарской делегацией и румынами по вопросу о румынских компенсациях.

Казалось, что в первых числах января 1913 года можно было расчитывать на заключение мирного договора, но в среде комитета партии «Единение и Прогресс» наросло сильное недовольство предстоявшим отказом от Адрианополя; попутно неслись обвинения по адресу Киамиля, исходившие из германофильских кругов столичного офицерства. 10/23 января кучкой офицеров был свергнут кабинет Киамиля, причем Энвер-бей собственноручно убил военного министра. Образованное младотурками министерство прервало переговоры в Лондоне.

Снова началась безуспешная и бесполезная для турок война, приведшая к падению Янины и Адрианополя, после чего возобновились Лондонские переговоры.

Дипломатическое соперничество России и Австро-Венгрии.

Россия, покровительница союза, поставила себе целью не допустить враждебного ему вмешательства держав в войну; кроме того важно было сохранить единение в среде самих союзников. Австро-Венгрия стремилась, наоборот, рассорить балканские державы между собой и усилить враждебные России и союзу государства, став защитником турок, румын и албанцев.

Еще в ноябре 1912 г. австрийская пресса стала указывать на необходимость создания особого албанского государства; при этом австрийцами руководило желание не допустить сербов ко владению портами на Адриатическом море. Сокращение сербских приобретений на Западе заставляло Сербию искать компенсаций на Востоке и тем самым итти на ссору с Болгарией. Вот почему сейчас же по открытии Лондонской

конференции послов австрийский представитель выдвинул проект создания независимого албанского государства. Его поддержали Италия, связанная с Австрией секретным соглашением по албанскому вопросу, и Германия. Русский посол уступил, дабы отнять у Австро-Венгрии повод ко вмешательству в балканские дела. 8/21 декабря было обнародовано постановление конференции о создании Албанского государства и о предоставлении Сербии коммерческого выхода к морю без установления где-либо на побережьи ее суверенитета.

Это была крупная победа Австро-Венгрии: удар был нанесен не только сербским национальным вожделениям, но и всей коалиции: с этого момента сербы, лишившись Адриатического побережья, которым они в ноябре фактически завладели, стали искать компенсаций за счет Болгарии, что положило начало сербо-болгарской розни.

Этот акт имел еще другой результат: в молодом государстве началось сильное соперничество между Австро-Венгрией и Италией, бывшими много лет союзниками, что явилось одной из многих причин разрыва союзных отношений в 1915 г.

В течение всей зимы Лондонская конференция занималась проведением сербо и черногорско-албанской границы: Россия всячески стремилась урезать новое государство, встречая неизменную поддержку французского посла, а Австрия опиралась на послов Германии и Италии. Председатель конференции послов английский министр иностранных дел сэр Эдуард Грей являлся обычно посредником между сторонами. В переговорах обе стороны ссылались почти исключительно на национальный принцип, но иногда пользовались и другими аргументами: Австрия отстаивала для Албании окружавшие Скутари горы и особенно вершину Тарабош, в виду их стратегического значения: этот довод был уважен. Россия добилась уступки союзникам Дьякова в виду его близости к Дечанскому монастырю, нацио-

нальной святыне сербов. Английский представитель часто ссылался на принципы равновесия и компенсаций. После жарких споров в течение февраля и марта послы присудили Скутари—албанцам, а Ипек, Дьяково, Призрен, Дибру, Стругу и Охриду—союзникам. В этом можно видеть победу русской дипломатии.

Упорные труды шести дипломатов не упразднили русско-австрийского соперничества, но отсрочили на 15 месяцев войну, одной из основных причин которой было именно это соперничество [1]).

Уступка Скутари вызвала сильное недовольство различных общественных слоев России,—были забыты все компенсации (Ипек, Дьяково, Дибра и др.). Внимательный наблюдатель русской политической жизни, знакомый с настроениями правящих сфер, Думы, политических партий и печати, уже тогда мог решить, что в следующем конфликте с Австро-Венгрией Россия не уступит. Теперь же Россия избегала войны, дабы дать союзникам расправиться с турками. Поэтому Россия не поддержала притязаний Николая Черногорского, занявшего Скутари. Узнав о решении держав отдать Скутари албанцам, Николай Черногорский сделал ловкий дипломатический ход: он вступил в переговоры с начальником гарнизона осажденной крепости Эссад-пашой, который был албанец родом [2]). Последний заключил соглашение с черногорцами, по кото-

[1]) Всем памятны те военные приготовления, которые шли в России и Австро-Венгрии всю зиму и весну 1913 года. Очень часто бывали моменты, когда война казалась неизбежной. Австрийская дипломатия грозила войной, если сербы не эвакуируют занятого ими побережья. Спасая сербов от ударов в тыл, Россия заставила их подчиниться этому требованию.

[2]) Этот албанский политик играл впоследствии большую роль в судьбах новорожденного княжества. В 1920 году террористический акт оборвал его жизнь, полную интриг и приключений.

рому они выпускали его из крепости со всем гарнизоном, состоявшим в большинстве из албанцев. Опираясь на своих албанцев, Эссад-паша провозгласил себя королем Албании и в качестве суверенного властителя Албании заключил с Николаем мирный договор, по которому уступил Черногории вожделенное Скутари. Этот маневр Николая выбил из рук австрийской дипломатии крупный козырь: принцип национальностей. Ведь трудно было говорить о самоопределении албанцев, когда единственный вооруженный отряд албанцев молча санкционировал провозглашенный албанским же вождем Эссад-пашой отказ от Скутари [1]). Тем не менее, державы решили принудить Николая выполнить постановление конференции послов: блокада черногорских берегов судами пяти великих держав (Россию представляла Франция) заставила черногорцев очистить Скутари. С этого момента албанский вопрос потерял свою остроту.

Что касается Румынии, то она потребовала от Болгарии автономии перешедших под ее владычество македонских куцо-влахов и уступки городов Туртукая, Балчика, Добрича и Силистрии. Болгария после долгого сопротивления выразила согласие на уступку Силистрии, но отсрочила подписание соответствующего протокола, надеясь этим путем выиграть время. Благодаря конференции и связанным с нею надеждам, Румыния не напала на Болгарию вплоть до второй балкан-

[1]) Следует при этом вспомнить, что в последние годы перед войной Николай Черногорский сумел завязать довольно тесные связи со многими племенами северной Албании, которые восставали против младотурецкого правительства. Еще незадолго до начала войны Порта требовала от Черногории прекращения оказываемой ею поддержки албанским мятежникам. Черногория уклонялась тогда от определенного ответа и вскоре объявила турецкому правительству войну.

ской войны, но явное нежелание болгар выполнить решение конференции вызвало сильное раздражение в Румынии. Можно полагать, что этим Болгария подготовила летнее выступление румын.

После австрийских и румынских притязаний оставалось урегулировать отношения между коалицией и турками, возобновившими в Лондоне мирные переговоры. Конференция послов выработала следующие условия мирного трактата: Турция уступает все территории к западу от линии Энос-Марица-Эргенэ-Мидия [1]) и остров Крит, Албания образует независимое государство; вопрос об островах Архипелага будет впоследствии разрешен державами; финансовые вопросы будут рассмотрены конференцией финансовых агентов великих держав в Париже.

[1]) Эту линию предложил русский посол, предварительно заручившись поддержкой Франции (см. Материалы по истории франко-русских отношений, стр. 355). Русская дипломатия не хотела допустить болгар слишком близко к проливам, на которые сама Россия в будущем имела виды, что доказывает соглашение о разделе Турции, заключенное в Лондоне в 1915 г. уже во время мировой войны. Россию поддержали в ее проекте, сокращавшем болгарские притязания, Германия, Австро-Венгрия и, отчасти, Италия, так как для Тройственного Союза было желательно как можно более сохранить Турцию, а если бы Болгария получила большую часть Фракии с выходом к Мраморному морю через порт Родосто, чего ранее требовали союзники, то болгарская дипломатия скорее уступила бы сербским притязаниям в Македонии, а в случае полюбовного соглашения о пересмотре союзного договора исчезала надежда на распадение враждебного Австро-Венгрии сербо-болгарского союза. Франция поддержала русское предложение не только ради идеи солидарности со своей союзницей, но и потому, что чрезмерное ослабление Турции было не в интересах Франции,—ее старого друга и кредитора. Во французской прессе энергичную кампанию в пользу Турции вел известный писатель-беллетрист Пьер Лоти, настаивавший на оставлении под властью султана возможно большей части Фракии.

17/30 мая мирный трактат был подписан. Война привела к полной победе над турками и усилению славянских наций и Греции; был совершен раздел Европейской Турции, о котором писалось столько проектов.

Против Австро-Венгрии вырастала на юге грозная коалиция, которая могла в качестве русского союзника способствовать гибели Габсбургской монархии.

Исчезла чересполосица между Сербией и Черногорией, чему Австрия не смогла помешать по трем причинам: еще в 1909 г. в связи с аннексией Боснии и Герцоговины Австрия отказалась от предоставленных ей по Берлинскому трактату прав на Новобазарский санджак; Австрии стала известна статья сербо-болгарской военной конвенции о помощи болгар сербам в случае вторжения австрийцев в санджак: уступчивость Сербии в албанском вопросе (результат влияния русского посланника Н. И. Гартвига) отняла у Австро-Венгрии повод для нападения на Сербию.

Богатая добыча досталась четырем балканским союзникам; но как ее было поделить?

Распад союза, вторая война и ее последствия.

Еще в феврале 1913 г. Сербия подняла вопрос о компенсациях. Впоследствии она стала настаивать на пересмотре договора, приводя следующие доводы: разгром Турции был вызван быстрыми победами сербов, которые к декабрю 1912 г. достигли своих стратегических целей, а с того момента помогали болгарам под Адрианополем и черногорцам у Скутари; в войне участвовали греки, что не было предусмотрено договором; Сербия мобилизовала значительно больше войск, нежели этого требовала сербо-болгарская военная конвенция;

присоединение Андрианополя [1]) к Болгарии не было предусмотрено союзными договорами, а из-за него была в январе 1913 г. возобновлена война. Сербия потеряла обещанную ей Албанию.

Болгары возражали, что разгром Турции был предусмотрен сербо-болгарским союзным договором и вызван общими усилиями союзников, что греческая армия помогла именно Сербии, а не Болгарии, так как действовала в районе операций сербской армии, что болгары сами мобилизовали не 200.000, а 620.000 человек; что присоединение Адрианополя вытекает из союзного договора и войну возобновили после перемирия не только из-за него, но и из-за вопросов об островах и о контрибуции; если державы не позволили сербам занять Адриатическое побережье, то болгары не только не получили завоеванного ими побережья Мраморного моря, но и вынуждены уступить румынам принадлежавший им до войны город Силистрию. Кроме того обе стороны ссылались на принцип национальностей.

Одновременно с сербами выступили со своими притязаниями греки. Ссылаясь на произведенные великими державами сокращения их территориальных приобретений в Эпире, они настаивали на компенсациях в Македонии, требуя отказа болгар от притязаний на некоторые пункты юго-восточной Македонии к востоку от реки Струмы; в общем они требовали присоединения к Элладе до 2.000.000 человек, оставляя Болгарии всего 1.300.000.

В результате отношения между союзниками сильно обострились. Боясь распада созданной с такими усилиями коали-

[1]) В свое время много писалось по вопросу о том, кому сдался командовавший гарнизоном Адрианополя — сербам или болгарам. Между тем это не имеет существенного значения.

ции, Россия предложила Болгарии компенсировать Сербию за помощь под Адрианополем, предостерегая болгарское правительство от опасностей войны против ее союзников. Но австрийская дипломатия стала подстрекать болгар не соглашаться на пересмотр договора. Постепенно болгарские войска стали переходить с ликвидированного турецкого фронта к сербской границе. В это время начались между Сербией и Грецией секретные переговоры о заключении оборонительного союза против Болгарии, о чем случайно узнала Румыния. Раздражение в обоих лагерях росло, выдвигая на первый план шовинистов: в Болгарии убежденных врагов России генерала Савова, Радославова, Геннадиева и др., в Греции—видных германофилов Стрейта и Гунариса, точку зрения которых разделял, повидимому, король Константин, сменивший 18 марта 1913 г. короля Георга, убитого анархистом. Константин, женатый на сестре Вильгельма II Софии и преклонявшийся, перед военным могуществом Германии, явился убежденным, сторонником греко-германского сближения. Сербия тайно предложила Румынии оборонительный союз против Болгарии, но получила уклончивый ответ, который можно объяснить опасением Румынии, что слухи о сербо-румынских переговорах сделают болгар уступчивее и укрепят болгаро-сербский союз, который был враждебен румынам, ибо военная конвенция обязывала Сербию послать 100.000 войска на помощь болгарам в случае нападения на последнюю Румынии. Аналогичные предложения делала Греция, но Румыния сохраняла выжидательную позицию.

В день подписания Лондонского трактата вышел в отставку болгарский премьер Гешов, сторонник миролюбивого разрешения международных споров.

15/28 июля болгарская армия получила приказание атаковать сербов у Криволака на другой день вечером, а 17/30 болгары бросились на греков у Кукуша.

В приказе атаковать греков указывалось, что боевые действия против сербов и греков ведутся без официального объявления войны и преследуют следующие цели: поднять дух болгарских войск и заставить их считать своих бывших союзников за врагов; побудить русскую дипломатию торопиться с разрешением сербо-болгарских разногласий, что даст возможность избежать дальнейших бесконечных отсрочек; сильными ударами заставить союзников стать более уступчивыми в вопросе о дележе Македонии; занять новые территории в ожидании вмешательства великих держав в военные действия. Этот приказ дает основание предполагать, что Болгария расчитывала на вмешательство Австро-Венгрии в войну между бывшими союзниками. О поддержке болгар со стороны Румынии не могло быть и речи: когда Греция просила поддержки румын в случае нападения болгар на Грецию, то получила ответ, что Румыния никогда не окажет помощи болгарам во вред Греции или Сербии, и что Румыния ответит мобилизацией своих войск на выступление Болгарии.

Состояние болгарских войск и занятые ими позиции давали основание расчитывать на быстрый успех, благодаря внезапности нападения.

30 июня Сербия, Черногория и Греция объявили войну Болгарии и продолжали ее, хотя болгарское правительство приказало 1 июня прекратить бои, оказавшиеся неудачными для болгар. Было уже поздно—война началась, балканская коалиция распалась.

Еще 3 июля Румыния сообщила державам, что она оставит свою выжидательную позицию, а неделю спустя объявила войну болгарам, ссылаясь на то, что последние напали на своих союзников даже без объявления войны.

После первых неудач Болгария просила посредничества России, но союзники его отклонили. Фердинанд приказал не

оказывать сопротивления наступающим румынам, все еще надеясь с ними столковаться, но это ему не удалось. На всех фронтах болгары понесли жестокие поражения: сербы овладели северной Македонией и проникли в Болгарию, затем вторглись в Болгарию греки, румынская кавалерия появилась в окрестностях Софии, а турки, прервав перемирие, по совету Энвера (Лондонский трактат еще не был ратифицирован), заняли 20 июля Адрианополь.

Каково было отношение ко второй балканской войне России и Австро-Венгрии? Первая всячески стремилась сохранить согласие между союзниками; поэтому русская дипломатия приняла сторону сербов и греков против болгар. На этом основании Россия не препятствовала нападению Румынии на Болгарию, чем расположила к себе не только румынские правительственные круги, но и общественное мнение. Все же русская дипломатия приняла меры к тому, чтобы румынские войска не вступили в Софию.

Австро-Венгрия, подстрекая болгар к войне, указывала на необходимость предварительно сговориться с румынами, которые, по сведениям австрийской дипломатии, получили очень соблазнительные предложения от Сербии и Греции, но предпочли бы выступить с Болгарией. Несмотря на то, что Болгария начала войну, не сговорившись с Румынией, Австро-Венгрия постаралась сдержать румын; однако, это не удалось, так как Германия и Италия отказались ей в этом содействовать. По той же причине Австрия воздержалась от враждебных выступлений против Сербии.

Потрясенный разгромом своих войск, царь Фердинанд обратился 1/14 июля к Николаю II с просьбой о посредничестве, но русская дипломатия нашла момент неудобным для такого шага и предложила болгарам сговориться непосред-

ственно с Сербией и Грецией, хотя болгарское правительство пугало тем, что отказ держав от посредничества вызовет в Болгарии революцию и низложение Фердинанда. Тогда Фердинанд обратился к Францу-Иосифу, но для Австро-Венгрии было крайне неудобно выступать против Румынии, рискуя бросить последнюю в объятия России. Поэтому Франц-Иосиф ответил буквально следующее: «Жалею, что не могу притти на помощь Болгарии. Она должна войти в соглашение с Румынией, как я ей уже давно советовал».

Оставленный, таким образом, Россией и Австро-Венгрией, Фердинанд просил мира у Румынии, которая уговорила греков и сербов прекратить военные действия. 17/30 июля открылась в Бухаресте мирная конференция.

Мирные трактаты 1913 года.

На Бухарестской конференции болгары сразу уступили румынам, но спорили против сербских и греческих притязаний, не желая отдавать Иштиб, Кочан, Радовицу, Струмицу и Кавалу. Благодаря России, им удалось сохранить Струмицу, все же прочие спорные пункты пришлось отдать. 25 июля—8 августа был подписан мирный трактат.

Вопрос о присоединении порта Кавалы к Греции вызвал любопытные споры между великими державами. Россия, желая сохранить свое угасавшее в Софии влияние, настаивала на передаче этого порта болгарам. Этого добивалась и Австро-Венгрия, покровительствовавшая Болгарии с момента разрыва коалиции. Однако, Россия встретила сильный отпор со стороны Франции, а Австро-Венгрия натолкнулась на аналогичное сопротивление Германии, которая опасалась, что пересмотр Бухарестского мирного трактата ослабит ее пре-

стиж в Румынии [1]). В результате Кавалла осталась за Грецией.

Каковы же были ближайшие последствия войны? Созданный русской дипломатией четверной союз перестал существовать, но русская дипломатия приобрела на будущее время нового союзника в лице Румынии. Болгары не сумели в Бухаресте столковаться с румынами, которые в будущем могли бы стать их союзниками. Греция получила львиную долю, хотя в обеих войнах греческая армия сыграла сравнительно незначительную роль. Сербия, дважды победившая, получила всего 1.300.000 жителей, а Греция—два миллиона.

По просьбе Фердинанда великие державы предложили Турции отдать болгарам Адрианополь, но получили отказ. При этом Турция встретила сильную закулисную поддержку со стороны Германии. Германия до сих пор, как видно из вышеизложенного, держалась в балканских делах довольно пассивно, ограничиваясь поддержкой Австрии; но теперь немцы решили поддержать младотурок с Энвером во главе,—таким образом им удалось бы поднять свой престиж в Стамбуле и сделать своим вассалом благодарную Турцию. Германская дипломатия категорически протестовала также против попыток России угрозами военных операций принудить турок к эвакуации Фракии.

Франция сообщила, что выступление России против турок во имя болгарских интересов вызовет аналогичное выступле-

[1]) С Бухарестского мира Германия стремилась подчинить своему влиянию Бухарест, а Австро-Венгрия Софию. Это давало возможность обоим союзникам привлечь на свою сторону два враждебных друг другу государства. Об этом говорит в своих мемуарах Эрцбергер, выполнявший в период мировой войны дипломатические миссии германского правительства на Балканах.

ние Австро-Венгрии против Сербии во имя тех же целей; на этом основании Франция отказалась поддержать русские угрозы по адресу Порты. Это объяснялось естественной усталостью французских политических и финансовых кругов от одиннадцатимесячного кризиса, грозившего втянуть Францию в войну из-за балканских дел, имевших для Франции, в сущности, второстепенное значение. Лишенная французской поддержки в этом вопросе, Россия не стала больше настаивать на эвакуации Энвером Адрианополя. Болгарии пришлось тогда примириться с этим.

В Константинополе начались мирные переговоры между Турцией и Болгарией. 29 сентября был подписан мирный трактат, согласно которому Болгария отказывалась от Фракии. Почти одновременно шли греко-турецкие переговоры: 14 ноября был подписан мирный трактат, восстанавливавший нормальные взаимоотношения между Турцией и Грецией. Договор не касался вопроса об островах Архипелага, так как их судьбу должна была определить Лондонская конференция послов.

Впоследствии конференция присудила Греции все острова, кроме Имброса и Тенедоса. Интересно отметить, что Россия, отстаивавшая вместе с Францией интересы Греции при проведении греко-албанской границы, согласилась на возвращение упомянутых двух островов туркам. Это объясняется тем, что острова расположены так близко к Дарданеллам, что должны принадлежать тому, кому принадлежат проливы. По секретному договору России с Францией и Англией в 1915 году оба острова вместе с проливами должны были отойти к России. Приберегая Имброс и Тенедос в будущем для себя, Россия не хотела перехода их в 1913 году к Греции.

25 ноября в Белграде Сербия и Черногория подписали соглашение, по которому Сербия уступила черногорцам Дья-

ково, Плевле и Ипек: для Сербии важно было удовлетворить все пожелания черногорцев, дабы подготовить слияние обоих государств, которое и осуществилось шесть лет спустя.

Новое государство Албания.

В те же месяцы решалась судьба созданной державами Албании. Закончив разграничение нового государства с обоими славянскими государствами, Лондонская конференция послов занялась проведением албано-греческой границы. Итальянская дипломатия, имея в будущем виды на Албанию и желая ослабить Грецию, стремилась оставить за Албанией все спорные территории со смешанным населением. В вопросе о границах Албании на юге и юго-востоке Италия играла ту же роль, которую взяла на себя Австро-Венгрия при определении северной и северо-восточной границы княжества. Интересы Греции защищала французская дипломатия, поддерживаемая Россией. Но спор был гораздо менее острый, нежели это было со Скутари. Конференция присудила постепенно Албании Корицу, Премети, Аргирокастро, Дельвино и Химарру; затем по предложению Англии было поручено разграничительной комиссии из представителей шести великих держав уладить на месте разногласия. Тщетно пытались греки связать вопрос о южной Албании с вопросом о Додеканезе, думая, что за уступку в одном вопросе они получат компенсацию в другом. Им пришлось уступить по албанскому вопросу без всяких компенсаций в вопросе о Додеканезе. В октябре 1913 г. Австро-Венгрия и Италия настояли на эвакуации греками албанской территории.

Предстояло решить вопрос о князе. Конференция, постановив сделать Албанию монархическим государством, оставила открытым вопрос о ее монархе. Было решено устранить кан-

дидатуры местных албанских вождей, из которых некоторые (между ними вышеупомянутый Эссад-паша, сдавший Скутари черногорцам) мечтали возглавлять новое государство: в этом вопросе снова проявилось австро-итальянское соперничество. Австро-Венгрия издавна считалась покровительницей албанцев-католиков, которых насчитывалось в то время до ста тысяч [1]). Поэтому появление принца-католика в глазах албанского населения могло быть принято, как символ протектората Австро-Венгрии. Желая этого избежать, Италия высказала пожелание, чтобы последний не был католиком; «безразлично кто, только не католик», выразился представитель католической Италии — министр иностранных дел Сан-Джулиано. Эта мысль встретила сочувствие со стороны держав согласия, ибо Россия не желала усиления католических влияний и оживления католической пропаганды на Балканах, а Франция, руководимая антиклерикалами, относилась несочувственно ко всякому акту, могущему увеличить авторитет папского престола; Великобритания же всегда была сторонницей протестантизма.

Отметим кстати, что итальянская дипломатия высказывалась против выбора Скутари для резиденции албанского князя, предпочитая Дураццо или Валону, что также объяснялось соперничеством Италии с союзницей Австро-Венгрией. Резиденцией князя был выбран Дураццо.

Дипломаты великих держав долго занимались выбором князя. Среди кандидатов называли египетского принца Фуада, которого считали по своему вероисповеданию более подходящим для мусульманского населения Албании, герцога Уррахского, принца Вильгельма Шведского и принца Вида,

[1]) Мусульман было 800.000, а православных албанцев до 240.000 значительная часть последних постепенно сливалась с соседним сербским населением.

кандидатуру которого выдвигала германская и австрийская дипломатия. Державы избрали албанским князем (мгбрет) принца Вильгельма Вида, который прибыл в Дураццо в апреле 1914 г.

Австрийская дипломатия, создав это новое государство, встретила на его территории сильное соперничество со стороны Италии, что не мало содействовало впоследствии разрыву между обоими союзниками, несмотря на заключенное ими в мае 1913 года соглашение по албанским делам.

Кроме того «албанский вопрос» грозил постоянными осложнениями между Австро-Венгрией и Сербией. В октябре 1913 г. албанцы напали на Сербию, но были отбиты и понесли жестокое поражение. Но Австрия угрозой войны остановила попытку сербов преследовать неприятеля на албанской территории.

Результаты балканских войн и положение к 1914 году.

В результате обеих войн Турция сохранила в Европе только восточную Фракию. Все владения к западу от Марицы были для нее потеряны. Своими поражениями в первой войне Турция была обязана содействию Россией союзникам; Адрианополь ей удалось вернуть лишь благодаря поддержке Германии. Поэтому нечего удивляться, что Турция окончательно порывает с державами согласия и переходит в германский лагерь. В октябре 1913 г. турецкое правительство пригласило для реорганизации армии, расстроенной поражениями последней войны, германскую военную миссию из шести офицеров с генералом Лиман фон Сандерс во главе; последний был назначен командиром I корпуса, расквартированного в Константинополе и его окрестностях, членом военного совета и

начальником всех военных училищ в столице. Таким образом ему было вверено командование всеми военными силами в турецкой столице и проливах. Подобный замечательный дипломатический успех Германии, отдававший ей фактически проливы, вызвал самый резкий отпор со стороны России, не знавшей о предшествовавших секретных переговорах Стамбула с Берлином. Россия дала знать Германии, что не может этого допустить. Русская дипломатия находила более удобным представить генералу Сандерсу аналогичный пост в Адрианополе. Франция и Англия энергично поддержали Россию, причем Франция со своей стороны не желала допустить германского командования в Смирне.

Одновременно среди партии «Единение и Прогресс» шла борьба между более германофильским течением, руководимым Джемаль-беем и Энвером, и министром внутренних дел Талаат-беем, находившим безусловное подчинение Берлину не выгодным для Турции.

Опубликованные в последнее время секретные донесения русских послов показывают, что, действуя в Берлине путем конфиденциальных переговоров, а в Стамбуле совместно с Францией и Англией, русская дипломатия стремилась достичь отказа от передачи Сандерсу I корпуса. Возражения Германии, что английскому адмиралу Лимпусу поручена реорганизация турецкого флота, против чего Россия не протестует, привели к тому, что Англия согласилась на перевод английской морской миссии из Константинополя в Измид [1]). В результате Сандерс был произведен в марталы турецкой армии и назначен генерал-инспектором ее; тем самым он перестал

[1]) Русская дипломатия не возражала против военной миссии английского адмирала, в виду малочисленности турецкого военного флота; как известно, последний во время мировой войны значительно усилился с приходом германских судов „Гебена“ и „Бреслау“ в проливы.

командовать такой важной строевой частью, какой являлся I корпус; но другие германские офицеры сохранили крупные командные должности.

Конечно устранение Сандерса от командования первым корпусом было лишь формальной уступкой — он не утратил решающего влияния на военные дела в Турции. Таким образом одним из ближайших последствий военного разгрома Турции балканской коалицией, созданной русской дипломатией, явилось полное подчинение турецкой армии германскому командованию, с чем русское правительство не считало возможным примириться.

С этого момента Россия приступает к немедленной подготовке к войне против Турции и ее союзника Германии. О том, что русский план войны против Турции явился ответом на появление в Константинополе миссии Сандерса, свидетельствует заявление русского премьера Коковцева на секретном заседании «Особого Совещания по ближневосточным делам» (31 декабря 1913 г.), что военные и дипломатические меры «хотя и имеют своим непосредственным объектом Турцию, однако конечной целью их является уничтожение контракта Порты с Германией». На другом заседании Особого Совещания (8 февраля 1914 г.) С. Д. Сазонов констатировал, что «если в силу событий проливы должны будут уйти из под власти Турции, то Россия не может допустить укрепления на берегах их какой-либо иной державы»... На этом заседании обсуждался план предстоящих военных операций против Турции, причем все участники сознавали, что эти операции могут произойти только в связи с общеевропейской войной; близость и неизбежность этой войны ясно чувствовалась всеми присутствующими на этих совещаниях[1]). В докладе морского

[1]) См. М. Покровский. Три совещания („Вестник Нар. Ком Иностр. Дел. 1919 г. № 1).

министра адмирала И. К. Григоровича от 22 октября 1913 г. говорилось о необходимости создать особую средиземноморскую эскадру. Этот проект был расчитан на войну с Турцией один на один, ибо совершенно ясно, что в случае войны России и Франции против Тройственного союза вся тяжесть ведения боевых операций в Средиземном море должна была пасть на Францию, для которой помощь небольшой русской эскадры имела бы по преимуществу моральное значение. Но международное положение было в то время настолько сложным, что всякая русско-турецкая война неминуемо должна была превратиться в обще-европейскую войну. Полтора года спустя, во время дарданелльских операций англо-французского флота, весной 1915 года русский крейсер «Аскольд» своим участием символизировал присутствие проектированной адмиралом Григоровичем средиземноморской эскадры, которую русское правительство, конечно, не успело в несколько месяцев создать [1]).

Появление миссии Сандерса изменяло в корне международное положение, создавшееся к концу 1913 года в результате обеих балканских войн. Теперь Германия заняла в проливах такое положение, которого никогда не занимала ни многолетняя соперница России на Востоке—Великобритания, ни ее конкурент на Балканах—Австро-Венгрия. Таким образом австро-русское соперничество на Балканах осложнилось русско-германской борьбой за проливы, делавшей войну неизбежной [2]).

---

[1]) К этому периоду относится и записка капитана Немитца по вопросу о захвате Константинополя и проливов от 25 ноября 1913 г. См. еще М. Покровский. К проектам захвата Константинополя („Вестник Нар. Ком. Иностр. Дел", 1919 г. № 3, стр. 24—28).

[2]) До посылки Сандерса в Турцию деятельность германских инструкторов с фон-дер-Гольцем во главе не вызывала опасений России, как и военно-морская миссия английского адмирала.

Война вспыхнула, однако, полгода спустя вследствие австрийского натиска на Сербию, а не из-за русско-германских споров о Константинополе; но зато присутствие германской военной миссии на берегах Босфора несомненно способствовало тому, что три месяца спустя после начала войны Тройственного согласия с Германией и Австро-Венгрией Турция решилась напасть на Россию, отчетливо сознавая, что это приведет к войне со всеми тремя державами Согласия.

Последние месяцы перед мировой войной в истории Оттоманской Империи могут быть охарактеризованы, как период полного господства Комитета партии «Единение и Прогресс», в лице триумвиров: Энвера, Талаата и Джемаля.

Дружба младотурецкого правительства с Германией привела его к союзу с Болгарией. Прежние противники оказались в продолжение трех лет боевыми соратниками, но их обоих постигла тяжелая участь побежденных.

Впрочем, отброшенные в Азию, турки проявили в последние годы большую энергию и жизнеспособность. Однако, турками руководят после мировой войны не те вожди, которые пытались в период 1908—1914 годов обновить государственный строй и утратили в 1912—13 годах почти всю, некогда столь обширную, территорию Европейской Турции.

Больше всех воюющих выиграла от войны Греция, получившая лучшие порты Европейской Турции: Салоники и Кавалу, остров Крит и почти весь Архипелаг. Греции удалось использовать поддержку соперничавших между собой держав; в начале войны она на ряду с прочими союзниками пользовалась покровительством России, в вопросе о греко-албанской границе ее поддерживала Франция, а в вопросе о Кавалле она в действительности встретила содействие со стороны враждовавших между собой Франции и Германии.

По окончании кризиса возник вопрос о том, какой ориентации будет придерживаться Греция при разделении Европы на два лагеря: сторонников «Союза» и «Согласия».

Венизелос считал более правильным лавировать между обеими группировками, но король Константин, вскоре после Бухарестской конференции отправившийся в Берлин к Вильгельму, пожаловавшему своему шурину жезл фельдмаршала германской армии, произнес там речь, в которой заявил, что Греция обязана своими успехами Германии, ибо он применял те принципы стратегии и военной организации, которым обучался в молодые годы в Германии. Это заявление произвело сильное впечатление на Францию тем более, что он не выразил благодарности французской военной миссии генерала Эйду, незадолго до войны реорганизовавшей греческую армию. С этого момента началась вражда французской дипломатии к Константину — «шурину Кайзера», как его называли в Париже, свергнутому с престола 4 года спустя французским чрезвычайным послом Жоннаром.

В результате балканских войн Греции пришлось считаться с враждой болгар и турок: первые мечтали о реванше и не могли примириться с понесенными ими территориальными потерями в Македонии. Турецкое правительство обвиняло греков в систематическом преследовании мусульман на территориях, отошедших к Греции, и получало в ответ обвинения в жестокостях в отношении малоазийских греков. Большие споры между Афинами и Стамбулом вызвал вопрос об обмене имуществ многочисленных беженцев с обеих сторон: греки считали, что Турция должна при взаимных расчетах возместить грекам большую сумму, нежели та, которую выплатила бы Греция туркам. Отношения между державами обострились настолько, что весной 1914 года Греция грозила Турции новой войной, которая вследствие отсутствия после

Бухарестского мира общей греко-турецкой границы явилась бы исключительно морской, а на море превосходство греческого флота над турецким было доказано опытом войны 1912—1913 годов, что и позволило Греции взять угрожащий тон. Турция поспешила поэтому уступить греческим притязаниям.

Из великих держав к Греции относилась враждебно Италия, отстаивавшая интересы своих капиталистов на малоазиатском побережье Эгейского моря и боровшаяся против греческих притязаний в Эпире, Албании и в отношении Додеканеза.

Разногласие между Константином и премьером Венизелосом в вопросах внешней политики в 1913 г. и первой половине 1914 г. еще не давало себя знать, а между тем в будущем эти распри привели к разделению Греции на два правительства и к тяжелым кризисам, имевшим значение не для одной Греции и отразившимся на всем ходе мировой войны.

Болгария, сумевшая в сентябре 1913 года столковаться с турками, пошла далее по этому пути. Программа ее заключалась в разрыве с Россией и политике национального болгарского эгоизма [1]). Впрочем, болгарский кабинет делал вид, что стремится к сближению с Россией, желая подготовить почву для нового болгарского займа в Париже, где русская дипломатия пользовалась большими связями и влиянием, и отвлечь от себя подозрения в стремлении к реваншу над Сербией, которая приобрела репутацию русского авангарда на Балканах. Болгарский кабинет стремился к союзу с Австрией против Сербии и поддерживал исподволь сношения с племенами Албании, враждебными Сербии, а также к союзу с Турцией против Греции. Сближение с турками шло успешно и привело после начала мировой войны к обмену террито-

[1]) „Где нет болгарских интересов, там нет и славянства", говорил в Народном Собрании министр иностранных дел Геннадиев.

риями во Фракии. С Австро-Венгрией пришлось поссориться значительно позднее, в разгаре мировой войны, при дележе территории совместно ими завоеванной Сербии (февраль 1916 года). Но весь 1914 г. был ознаменован усиливавшимся сближением между Болгарией и Тройственным Союзом, в котором с осени этого года место Италии заняла Турция.

Одновременно шло русско-румынское сближение. Румыния была признательна России за то, что последняя не помешала ее выступлению против Болгарии летом 1913 г.; в то же время румынские политики не могли простить австрийской дипломатии ту поддержку, которую последняя оказывала Болгарии не только во время войны, но и в эпоху Бухарестских мирных переговоров. Австро-русское предложение отдать Каваллу болгарам было принято, как вызов Румынии—творцу Бухарестского трактата; подобный вызов можно было простить России, традиционной покровительнице Болгарии и славянства, но не Австро-Венгрии, связанной с Бухарестом старыми соглашениями. Вот почему Румыния осталась нейтральной в 1914 г., а затем, попав в орбиту русского влияния, выступила против Германии и Австро-Венгрии.

Но наиболее важным последствием войны явилось чрезвычайное усиление Сербии. Уже с 1909 г. Австро-Венгрия стала считать последнюю своим главным врагом на полуострове [1]). Следует признать, что усиление Сербии и ее победы над турками и болгарами вызвали сильный национальный подъем в славянских областях Габсбургской империи. На Сербию стали смотреть, как на югославянский Пьемонт,

[1]) До аннексии Боснии и Герцеговины Сербия несколько раз управлялась австрофильскими правительствами. В свое время Бисмарк допускал, что когда-нибудь Сербия и Румыния войдут в состав Австро-Венгрии на тех условиях, на которых Бавария входила в германскую империю.

могущий объединить все южное славянство под властью Карагеоргиевичей [1]). Такая идея предвещала близкую гибель Австро-Венгрии. Австрийская дипломатия, как указано выше, твердо помнила пророчество французского историка Альбера Сореля: «В течение целого столетия стремятся разрешить восточный вопрос, но в тот день, когда покажется, что этот вопрос разрешен, перед Европой неминуемо встанет австрийский вопрос [2]). Он оказался прав: 1918 год принес гибель Турции и Австро-Венгрии одновременно. Незадолго до начала мировой войны австрийский посол в Константинополе маркиз Паллавичини, один из старейших австрийских дипломатов и видный знаток Балкан, говорил, что скоро должна вспыхнуть общеевропейская война, которая начнется с австро-русского конфликта, и что этого можно избежать только отказом Австрии от активной политики на Балканах и предоставлением России полной свободы действий, причем Австро-Венгрия в таком случае сойдет на роль второстепенной державы. Эти слова произвели такое сильное впечатление на собеседника Паллавичини графа Чернина, что он счел необходимым доложить об этом эрцгерцогу Францу-Фердинанду и приводит рассказ о своей беседе с маркизом в своих «Воспоминаниях» [3]). Но Австро-Венгрия, учитывавшая, что обе балканские войны ослабили ее позицию на Балканах [4]), не желала сдаваться;

[1]) Эту идею поддерживал в осторожной форме русский посланник в Белграде Н. И. Гартвиг, пользовавшийся огромным влиянием в сербских правительственных и общественных кругах.

[2]) Цитировано у Driault в его книге „La question" d'Orient, VI édition, Paris, 1914, p. 294.

[3]) „В дни мировой войны" (Русский перевод М. Константиновой, Госиздат Птгр. 1923, стр. 21).

[4]) Потеря Румынии, перешедшей в русский лагерь, не уравновешивалась новой австрийской ориентацией Болгарии, которую сильно ослабили обе балканские войны. К 1914 году перед Австро-

ожидавшееся слияние Сербии с Черногорией было для нее крайне нежелательным событием, означавшим новое усиление «югославянского Пьемонта», способное повлечь за собой рост сепаратистских настроений среди ее славянских подданных. На другой день после заключения Бухарестского мирного трактата, 26 июля—9 августа 1913 года, Австрия конфиденциально сообщила Германии и Италии о своем намерении напасть на Сербию, но обе державы не поддержали этого плана, тем более, что в вопросе о пересмотре Бухарестского договора и о Кавалле Германия стала на сторону Румынии и Греции, а не Болгарии, что объясняется отчасти родственными связями между Вильгельмом и королем Константином, но главным образом желанием иметь в своем лагере Румынию в будущей войне против России. Не рискуя выступить без поддержки своих союзников, Австро-Венгрия отказалась тогда от нападения на Сербию, на которое она пошла 11 месяцев спустя в июле 1914 г.

Балканы и мировая война.

15/28 июня прогремели в Сараеве револьверные выстрелы серба Принципа, положившие конец жизни австрийского престолонаследника эрцгерцога Франца-Фердинанда и его морганатической супруги графини Хотек, но никто не ждал в тот момент, что это трагическое событие может повести к войне. Убитый эрцгерцог имел репутацию убежденного шовиниста и врага Сербии. В придворных кругах эрцгерцог, женатый не на принцессе, не пользовался популярностью и, вероятно, оттого австро-венгерское правительство отнеслось

Венгрией встала грозная опасность русско-румыно-сербо-черногорской коалиции, которая охватывала полукругом восточную и южную границы Австро-Венгрии.

с полным спокойствием к его убийству. Поэтому полной неожиданностью для всего дипломатического мира Европы явился предъявленный Австрией Сербии 10/23 июля ультиматум, в котором Австрия требовала репрессий в отношении австрофобской прессы, роспуска патриотической организации «Народна Одбрана», изгнания всех военных и чиновников, которых австро-венгерское правительство укажет, допущения австрийских судебно-следственных властей для производства расследования убийства на сербской территории, ареста двух сербских должностных лиц, запрещения провоза оружия, воспрещения антиавстрийской пропаганды в школах и армии, и пр. и пр. Срок ультиматума истекал через 48 часов.

Несмотря на обширную литературу, посвященную началу мировой войны, до сих пор нельзя считать историю возникновения этого ультиматума вполне установленной. Современники-мемуаристы говорят об этом разно. Во всяком случае, знала ли германская дипломатия или нет о предстоящем ультиматуме, но она его вполне поддержала, когда он был вручен Сербии и был опубликован. Теперь можно считать установленным, что оба канцлера, германский—Бетманн-Гольвег и австро-венгерский—Берхтольд, расчитывали, что нападение на Сербию не вызовет вооруженного вмешательства России.

Однако, русский министр иностранных дел Сазонов прямо сказал австрийскому послу, что русские интересы тождественны с сербскими. Тогда стало ясно, что всякая попытка аннексировать Сербию или хотя бы временно оккупировать часть ее территории приведет Австро-Венгрию к войне с Россией. Под влиянием России Сербия ответила согласием на все пункты австрийского ультиматума, причем соглашалась допустить австрийские следственные власти для работы в пределах Сербии, «поскольку это отвечает принципам между-

народного права». Австрия нашла такой ответ уклончивым и объявила Сербии войну.

Став, таким образом, наступающей стороной, Австро-Венгрия лишила себя военной помощи Италии и Румынии, на что она, согласно союзным соглашениям с ними, могла расчитывать в случае оборонительной войны.

Россия мобилизовала свою армию для помощи сербам. Австрийский посол в России заявил о готовности обсудить сущность австро-сербского конфликта, но на другой день Германия потребовала от России демобилизации и через несколько часов объявила ей войну, а затем и ее союзнице Франции, на которую, по проекту германского генерального штаба, в случае войны Германии на два фронта должен был обрушиться первый удар.

После вторжения немцев в Бельгию, в войну вмешалась Англия, посол которой говорил в Петербурге в первые дни конфликта, что Великобритания не будет воевать из-за Сербии.

Балканские страны первоначально оставались нейтральными; неудача австрийских наступлений на Сербию в августе и декабре 1914 года удержала Болгарию от попытки нападения на Сербию для захвата ее македонских областей.

Первой вмешалась в войну Турция, давшая в Дарданеллах убежище германским крейсерам «Гебену» и «Бреслау», которых преследовала английская эскадра. Присутствие в Константинополе миссии Сандерса и германских крейсеров способствовало победе германофильского течения в среде правящей партии «Единение и Прогресс». В октябре турецкий флот напал на русские порты, и тогда началась война Турции с державами «Согласия». В первую зиму войны турецкому театру придавали в Германии мало значения; начальник гер-

манского штаба ген. Фалькенгайн говорил, что Балканы являются второстепенным театром. Но летом 1915 г. операции англофранцузов у Дарданелл показали, какое значение державы Согласия придали этому фронту [1]).

Осенью 1915 г. вступила в войну Болгария, которой Турция отдала небольшую территорию на Марице. Все попытки дипломатов Согласия удержать Болгарию нейтральной обещаниями компенсаций в Македонии, на которые соглашалась, скрепя сердце, Сербия, были безрезультатны. Болгария пошла против сербов, потребовав предварительно, чтобы командование общими силами на сербском фронте было вверено германскому, а не австрийскому генералу.

Под одновременным натиском немцев, австрийцев и болгар, руководимых генералом Макензеном, сербское правительство и армия отступили через Албанию [2]) на побережье Адриатики, откуда англо-французский флот перевез их на греческий остров Корфу.

Греческое правительство, следуя букве своего оборонительного союза с Сербией, намеревалось объявить войну напавшей на нее Болгарии, но король Константин, веривший в конечную победу Германии, дал отставку кабинету Венизелоса и создал кабинет Заимиса, стоявший за нейтралитет. Англо-

[1]) История возникновения Дарданелльской операции интересно, хотя и недостаточно объективно, изложена в мемуарах лорда Фишера, возглавлявшего в то время британское адмиралтейство. См. Lord Fisher, Memories. 1920.

[2]) Албанский князь Вильгельм Вид покинул в начале войны свое княжество, после чего сербы заняли северную Албанию, итальянский десант был высажен в Валоне, а греки послали свои гарнизоны в южную Албанию. Следуя по пятам за сербами, которых не удалось окружить, благодаря талантам их вождя воеводы Путника и ошибкам Макензена, союзные войска оккупировали Албанию, в которой держались вплоть до осени 1918 года.

французы, несмотря на это, высадили свой десант в Салониках, как это было условлено с ушедшим в отставку Венизелосом. Последний образовал свое правительство, правившее в районе союзной оккупации и на островах Архипелага.

Мало кто придавал осенью 1915 г. значение союзному десанту в Салониках: английский военный министр Китчнер находил, что это ведет к излишнему распылению военных сил Согласия, во Франции против высадки десанта протестовал вождь парламентской оппозиции «ниспровергатель министерств» Клемансо; но эту идею сумел защитить Бриан, ставший премьером и министром иностранных дел после вступления в войну Болгарии. Его поддержало русское командование, вполне понимавшее всю важность Балканского фронта: в феврале 1916 г. начальник штаба Алексеев высказывал пожелание, чтобы Россия и ее союзники заключили сепаратный мир с Турцией на основе status quo ante, дабы легче справиться с Германией, нанеся ей удар с юга [1]).

Тем временем начались ссоры в лагере центральных держав в связи с тем же вопросом о балканском фронте. Покончив с Сербией, Германия считала операции на этом театре выполненными и отвергла австрийский план похода на Салоники, ссылаясь на эпидемии, бездорожье, распутицу (это было в ноябре 1915 г.) и на нежелательность вводить болгарские части на греческую территорию. Австрийский штаб, повидимому, лучше понимал предстоящую роль Салоникского десанта,

[1]) О проекте генерала Алексеева заключить сепаратный мир с Турцией см. „Сборник Тайных Документов М-ва Иностранных Дел“ (Птгр. 1917 г.) № 1, стр. 12—15, также стр. 20—21. Интересно, что, лелея мысль о нанесении Австрии решительного удара через Сербию, Алексеев отказывался от проектов захвата проливов, на которые Англия и Франция дали свое согласие по Лондонскому договору 15 сентября 1915 года.

однако должен был покориться решению своего могущественного, но несговорчивого союзника. Затем между союзными штабами произошла ссора по вопросу о завоевании Черногории; на этот раз Австрия не уступила и наперекор всем правилам воинской дисциплины начальник ее штаба Конрад приказал командующему армией австрийскому генералу Кевесу начать наступление на Черногорию, несмотря на сопротивление его прямого начальника, командовавшего всем балканским фронтом, Макензена. Поход на Черногорию был, пожалуй, единственной операцией, которую австрийцы удачно провели без всякой поддержки немцев.

Осенью 1916 г. Румыния объявила войну Австро-Венгрии. Вожделения Румынии простирались одновременно в сторону плодородной русской Бессарабии и изобилующей минеральными богатствами Трансильвании; поэтому Румыния долго не могла решить, на чьей стороне ей сражаться. В августе 1914 г. кабинет министров отверг предложение короля Карла выступить на стороне Германии и Австро-Венгрии. Старый король вскоре умер «с разбитым сердцем», а новый король Фердинанд был более расположен к державам Согласия, но он соглашался с премьером Братиану, что следует выждать, на чьей стороне окажется перевес. В народе росло между тем раздражение против мадьяр, угнетавших румынское население Трансильвании. Венгерский премьер Тисса, человек железной воли, но узкого кругозора, и слышать не хотел о территориальных уступках. Тщетно Румыния обещала Австрии выступить на ее стороне, если получит часть Трансильвании и Буковины. Несмотря на давление Вены и Берлина, венгерское правительство отказалось от уступки территорий и даже не согласилось на автономию населенных румынами округов.

Такая политика, естественно, давала в Бухаресте перевес сторонникам держав Согласия. Неудачи немцев под Верденом

и успехи Брусилова в Галиции летом 1916 г. побудили кабинет Братиану к выступлению [1]), но он поставил условием наступление союзников в Македонии и русских в Добрудже. Румынская армия повела в августе 1916 г. наступление в Трансильвании, пренебрегая балканским театром. Поражения в Трансильвании и Добрудже привели к разгрому Румынии и падению Бухареста. Только при помощи русских румынам удалось сохранить Молдавию. Таким образом Румыния не оправдала возлагавшихся на нее надежд. В Греции союзники вели в продолжение 1915—17 годов сложную борьбу, с целью заставить ее выйти из нейтралитета; они несколько раз предъявляли ультиматумы, блокировали ее берега, добились передачи им военного флота, боевых припасов, средств сношений и сообщений; однако, король Константин, опираясь на офицерство, недовольное резким вмешательством англо-французов в греческую политику, оказывал им пассивное, но весьма упорное сопротивление. Тогда летом 1917 года французский чрезвычайный делегат Жоннар от имени держав Согласия вынудил Константина отречься от престола в пользу своего младшего сына Александра, ибо старший Георг был солидарен с политикой отца. Являясь покорным орудием в руках держав Согласия, Александр призвал к власти Венизелоса и объявил войну четверному блоку.

Таким образом летом 1917 г. все балканские державы находились в состоянии войны. Греки, сербы, французы, англичане и итальянцы составляли сплошную линию фронта от Кавалы через южную Македонию и Албанию до Адриатики, против них была вся болгарская армия, подкрепленная австрийскими и немецкими частями. В Молдавии румыны совместно

[1]) Текст военной конвенции Румынии с державами Согласия опубликован в „Сборнике Тайных Документов", № 3, стр. 81—87.

с русскими частями составляли левый фланг протянувшегося от Черного до Балтийского моря восточного фронта.

Летом 1917 г. последний фронт начал разлагаться; перемирие на русском фронте заставило румын приступить к мирным переговорам. Благодаря австро-германским разногласиям [1]) условия мира для Румынии (май 1918) были довольно умерены: ей пришлось отказаться только от южной Добруджи и разоружиться, а также дать долгосрочные концессии на нефтяные месторождения.

Военное положение четверного блока могло казаться блестящим. Но на самом деле с юга надвигалась страшная гроза. Болгары негодовали на своих союзников и считали себя обманутыми при разрешении вопроса о Добрудже; утомленное войной офицерство роптало, не желая сражаться во имя интересов Германии и Австрии, которые не умеют ценить болгарскую помощь. Недовольство парламента, поддержанного широкими кругами общества, привело к отставке германофильского кабинета Радославова, правившего страной еще с лета 1913 г. 16 июня 1918 г. премьером стал лидер демократов Малинов, который, учитывая предстоящий разгром центральных держав, приступил к секретным переговорам с американским посланником [2]). Одновременно шла пропаганда в пользу сепаратного

[1]) Германская дипломатия хотела первоначально добиться отречения короля Фердинанда, изгнания дипломатов держав Согласия, передачи железных дорог, портов и нефтяных месторождений, но в виду протеста австро-венгерского министра иностранных дел Чернина, указывавшего, что свержение короля могло нанести удар монархическому принципу, Германия уступила. Затем Румынии оставили северную Добруджу с железной дорогой Констанца-Черноводы, на что претендовала Болгария, которая получила таким образом свою границу до 1913 г., а не до 1878 г., как надеялись болгарские дипломаты.

[2]) Воюя против Германии и Австро-Венгрии, Соединенные Штаты остались в мире с Болгарией.

мира среди болгарских фронтовых частей. В начале сентября царь Фердинанд обрисовал Вильгельму II в самых мрачных красках положение Болгарии и предсказал неизбежную катастрофу, которая и наступила несколько дней спустя.

15 сентября 200.000 армия союзников начала наступление на широком фронте в южной Македонии; в первые же дни несколько болгарских дивизий капитулировали, вследствие чего фронт оказался прорванным и правый фланг болгарских войск отрезанным от своих баз. 26 сентября Малинов просил у командовавшего силами Согласия на Балканах перемирия, и 30 сентября оно было подписано: болгарская армия была демобилизована; части, оставшиеся вне Болгарии, сдались в плен; болгарские железные дороги и перевозочные средства перешли к противнику, который со своей стороны гарантировал суверенитет и неприкосновенность Болгарии в границах до 1912 года.

Для центральных империй это был непоправимый удар; отрезанная от них Турция была обречена на полную капитуляцию.

Наскоро собранные на Украине германские дивизии были посланы в Сербию, где австрийскому фельдмаршалу Кевесу [1]) было поручено создать новый фронт, но это оказалось невозможным, и победоносная Салоникская армия подошла к Дунаю.

В самый серьезный момент боев в Бельгии и северной Франции сильная и прекрасно вооруженная армия, состоявшая из французов, англичан, итальянцев, сербов и греков, готова была вторгнуться в абсолютно незащищенную южную Австрию. Это означало неминуемую капитуляцию Австрии, ко-

[1]) Он заместил в качестве командующего балканским фронтом царя Фердинанда, отрекшегося 4 октября от престола в пользу своего сына, царевича Бориса.

торая испытала бы в несколько недель участь Болгарии, а затем союзники, подкрепленные итальянцами, чехословаками и румынами, вторглись бы в южную Германию с ее наименее защищенной стороны.

Это стало очевидно для германского командования; оно потребовало от правительства заключения перемирия.

Октябрь и ноябрь были месяцами агонии Германии, Австрии, Венгрии и Турции.

Осенняя кампания 1918 года показала всю важность балканского фронта: она оправдала предсказание депутата германского рейхстага Эрцбергера (в марте 1916 г.), что война, начатая на Балканах из-за Балкан, кончится на Балканах; теперь ясно, что прав был Алексеев, доказывая, что центральным империям лучше всего нанести решительный удар именно с Балканского полуострова; серьезнейшей ошибкой Германии было то, что она отвергла предложение Австрии отбросить в море небольшой союзный десант в Салониках, выросший впоследствии в грозную армию.

Балканские державы Болгария и Турция не скоро смогли заключить мирные договоры; победившие нации считали более целесообразным сначала заключить мир с Германией и Австрией.

Только 26 июля 1919 года был вручен в Париже проект мирного договора болгарской делегации.

Болгарская делегация представила свои возражения, в которых был снова поднят вопрос о тождестве македонцев с болгарами, но победители не приняли этого во внимание. 27 ноября 1919 года был подписан мирный трактат в Нельи (Neuilly), согласно которому Болгария уступила Сербии три участка своей территории вдоль западной границы с городом Струмицей, а Греции территорию Западной Фракии с портом Доде-Агач. Хотя договор признал за Болгарией право на вы-

ход к Эгейскому морю, но это, повидимому, является только добрым пожеланием; Греция снова лишила своего соперника выхода к морю, которым хочет безраздельно владеть. Далее на Болгарию наложена была контрибуция в 2.250.000.000 золотых франков, срок уплаты полугодовыми взносами был определен с 1920 по 1957 год; кроме того болгары обязались поставлять сербам в течение пяти лет по пятидесяти тысяч тонн угля, а также передать Греции, Румынии и Югославии значительное количество лошадей, мулов и рогатого скота.

В еще более тяжелом положении оказалась Турция, которая, согласно Севрскому мирному трактату 10 августа 1920 г., потеряла все свои европейские владения, исключая Константинополь с его ближайшими окрестностями, но национальное движение, возглавляемое Кемаль-пашой, привело в результате упорной и кровопролитной греко-турецкой войны к значительному расширению турецких владений не только в Азии, но и в Европе; эти приобретения закрепил Лозаннский трактат 1923 года.

Из других балканских стран значительно усилились в результате мировой войны Румыния и Сербия, расширившие свои владения далеко за пределами Балканского полуострова; достаточно сказать, что население Румынии возросло с 7 до 17 миллионов, благодаря приобретению Бессарабии, Буковины, Мармарошского Прикарпатского округа, Трансильвании и Баната. Сербия выросла в Сербо-Хорвато-Словенское государство с населением, превышающим 12 миллионов человек; в этом едином югославянском организме растворилась маленькая Черногория, прекратившая свое отдельное существование после мировой войны [1]). Что касается Албании, то в годы войны вся ее территория была оккупирована пер-

[1]) Все балканские государства, в отличие от стран Средней и Восточной Европы, сохранили монархический образ правления.

воначально греками и сербами, затем австро-германскими войсками, далее снова войсками стран Согласия. Еще в июне 1917 г. была провозглашена независимость Албании, а к 1921 г. определился ее новый государственный строй. Страной управляет совет из четырех регентов: от православных, от католиков, от магометан-суннитов и один от других мусульманских сект (бекташи); получается своеобразная республика с теократическим оттенком. В декабре 1920 г. Албания была принята в Лигу Наций одновременно с Болгарией. Таковы изменения которые внесла мировая война на Балканах, ее очаге.

Литература.

Литература балканского вопроса чрезвычайно обширна. Укажем только наиболее интересные и ценные работы в этой области. Прежде всего появлявшиеся время от времени «цветные» книги, содержащие дипломатическую переписку: напр., проекты реформ в Македонии излагаются в русской «оранжевой» книге «Реформы в Македонии. Диплом. переписка» 1902—3 г.г. С.П.Б. 1906 г. Такие сборники издавались министерствами иностр. дел великих держав в наиболее серьезные моменты балканских кризисов. Много документов опубликовано в «Archives diplomatiques», издаваемых под редакцией парижского проф. Луи Рено. Ценным источником являются издания Нар. Ком. Иностр. Дел: «Сборники тайных документов из архива М-ва иностранных дел» № 1—7 (Птгр 1917 г.) и «Материалы по истории франко-русских отношений» Москва 1922 г., но первые сборники носят случайный характер, а второй страдает, как указано в его предисловии, независящей от составителей неполнотой. Протоколы Бухарестской конференции 1913 года опубликованы в 5-ой

книге «Известий Министерства Иностр. Дел за 1913 год». Интересные данные бытового характера о поведении воюющих содержатся в сборниках, выпущенных противниками с целью обвинить друг друга в нарушении законов и обычаев войны—из них отметим «Atrocités bulgares en Macédoine», Faits et documents (Athènes. 1913).

Из литературы, относящейся *к балканскому вопросу за последние четверть века*, важнейшие:

Driault. La question d'Orient depuis ses origines jusqu'à nos jours. VI éd. Paris 1914. Содержит много интересных данных, но местами—грубые ошибки в изложении фактов.

Djuvara. Cent projets du partage de la Turquie. Paris 1914. Ценная по своей полноте и обилию приводимого материала работа, к ней приложен очерк балканских событий 1911—13 г.г., написанный румынским дипломатом, к сожалению, недостаточно объективно.

M. Leroy. La question Macédonienne. Etude d'histoire diplomatique et de droit international. (Paris 1905). Разбор вопроса с точек зрения: местной, балканской и европейской, приведены проекты реформ.

E. Ergelhardt. La question Macédonienne. Etat actuel. Solution. Paris 1906. Написано живо и вполне объективно.

Draganof. La Macédoine et les réformes. Paris 1908. Слабее предыдущей, враждебно турецкому правительству и грекам.

Brancoff. La Macédoine et sa population chrétienne. Paris 1905; полемическое изложение.

И. Е. Гешов. Балканский союз. Воспоминания и документы. Птгр. 1915 г. Важно, благодаря роли автора в кризисе.

Н. С. Державин. Болгаро-сербские взаимоотношения и македонский вопрос. Птгр. 1914 г. Интересные данные по диалектологии и этнографии Македонии, много материалов по вопросу о ее населении.

Сербо-болгарский спор за обладание Македонией. Труды Общества Славянского Научного Единения. Птгр. 1915 г. Доклады сербского проф. А. И. Белича и болгарского проф. И. Д. Шишманова, прения, в которых приняли участие Н. С. Державин, В. В. Водовозов, П. А. Лавров, Д. И. Семиз и др., и резолюция О-ва.

Veritas и Семенов. Предательство Болгарии. Документальная история болгаро-сербской войны 1913 г. и вступление Болгарии в лоно германизма. Птгр. 1915 г. Недостаточно объективно в отношении Болгарии, цитируются многие важные документы.

Landemont. L'Europe et la question orientale 1872—1912. Paris 1912. Автор подробно останавливается на роли великих держав.

Malkhazouny. Le Balkan Slave à travers la dernière crise orientale. Paris 1911. Анализ отношений между балканскими нациями в эпоху коалиции.

О Босне-герцоговинской аннексии 1908 г. и о последовавшем кризисе.

Босния и Герцоговина в сербской скупщине. Белград, 1909 г. (отчет о парламентских прениях в связи с аннексией).

П. А. Лавров. Аннексия Босний и Герцоговины и отношение к ней славянства. Спб. 1909 г.

Кораблев. Босния и Герцоговина, их прошлое и настоящее. Спб. 1908 г.

А. Барр. Босния и Герцоговина под австрийским владычеством. Москва 1909 г. Резкая критика приемов австрийской администрации.

И. Цвиич. Аннексия Боснии и Герцоговины и сербский вопрос. Спб. 1909 г. Автор—известный сербский ученый.

Г. Н. Кутепов. Босния и Герцоговина. Политический и статистический очерк Известия Министерства Иностр. Дел, 1915 г., кн. VI, стр. 128—160. Сжато и объективно.

Markovitsch. Die serbische Auffassung der bosnischen Frage. Wien. 1908. Написано в примирительном тоне.

Koyitch. L'annexion de la Bosnie et de l'Herzogovine. Paris. 1910. Сильные нападки на Австро-Венгрию.

M. Vesnitsch. L'annexion de la Bosnie et de l'Herzogovine. Paris. 1910. Автор — сербский посланник в Париже, впоследствии делегат Юго-Славии на Версальской конференции 1919—20 г.г., написано очень убедительно.

Stoïanovitsch. Bosnie - Herzégovine. Genève 1917. Автор—депутат боснийского сейма, содержит новейшую историю обеих провинций, доведенную до 1916 г.

По истории Турции до 1914 года.

Engelhardt. La Turquie et le Tanzimat. 2 vls. Paris 1892. Содержит историю всех попыток реформ в XIX веке и особенно гатти-шерифов 1839 и 1856 г.г.

Youssouf-Féhmi. Histoire de la Turquie. Paris 1900. Объективный, сжатый очерк.

А. Тыркова. Старая Турция и младотурки. Птгр. 1916 г. Живо и интересно написано.

А. Н. Мандельштам. Младотурецкая держава. Птгр. 1915 г.. Автор—доктор международного права, занимал консульские должности в Скопле и Монастыре, затем драгоман посольства в Константинополе; наиболее полный обзор турецкой истории в 1908—1914 г.г.

«Турецкий Сборник» под ред. Г. Бикермана. Птгр. 1909 г. Ряд статей различных авторов.

V. Bérard. La révolution turque. Paris. 1909. Живой рассказ.

Imbert. La rénovation de l'Empire Ottoman. Paris. 1910) Попытка обследовать результаты революции 11 июля 1908 г. по 14 апреля 1909 г.

Pinon. L'Europe et la jeune Turquie, 3 éd. Paris 1913. Автор останавливается на отношении европейской дипломатии к младотуркам, много данных о партии «Единения и Прогресса».

Pierre Loti. La Turquie agonisante Paris 1913. Сборник статей в защиту турок в период балканской войны 1912 г., грубая брань по адресу славян.

Miller. The Ottoman Empire. 1913 г. Приложена библиография.

В. А. Гурко-Кряжин. История революции в Турции. Москва 1923 г. Автор останавливается подробно на партийной борьбе и на ее экономической подкладке. Приложена библиография.

По истории Болгарии.

Матвеев. Болгария после Берлинского конгресса. Спб. 1887 г. Автор был советником «дирекции правосудия» в Восточной Румелии в период ее отдельного от Болгарии существования.

A. v. Huhn. Der Kampf der Bulgaren um ihre Nationaleinheit. Leipzig. 1886. Враждебно в отношении русской дипломатии.

Jérecek. Das Fürstentum Bulgariens. 1891. Вполне объективно.

Nedjmidin. Völkerrechtliche Entwicklung Bulgariens. Bonn 1908. Юридический разбор международного положения Болгарии и ее взаимоотношений с Турцией.

Chaunier. La Bulgarie. Etude d'histoire diplomatique et de droit international Paris. 1909.

Caleb. La Bulgarie et le traité de Berlin. Paris 1909.

Landemont. L'Elan d'un peuple. La Bulgarie jusqu'au traité de Londres. Paris 1914. Описание действий Болгарии в первой балканской войне.

Дрейер. Разгром Болгарии. Спб. 1914. Тактический разбор военных операций, второй балканской войны, автор—русский полковник.

По истории Румынии.

Samuelson. Roumania. London 1882. Сжатый очерк.

Bergner. Roumänien. Leipzig 1887.

Г. Устинов и К. Бесядовский. Современная Румыния. В. Военно-Ред. Совет. Госиздат. Москва 1923 г.; ч. I историко-политический очерк, ч. II военно-географическое и военно-статистическое описание. В I-ой части изложены этапы развития Румынии и ее роль в мировой войне.

По истории Сербии.

Ranke. Serbien und die Serben. Leipzig 1879. Классический труд.

Brunswick. Recueil de documents rélatifs à la Serbie. Constantinople 1876. О положении сербов под турецким владычеством.

Rachitch. Le royaume de Serbie. Etude d'histoire diplomatique et de droit international. Paris 1901.

Vesnitsch. La Serbie. Paris 1916. Новейший очерк.

К. Каутский. Сербия и Бельгия. Исторический очерк о национальностях и о целях войны, вып. I. Сербия и Австрия; перевод Лигина. Москва. 1918 г.

По истории Черногории.

Ровинский. Черногория. Спб. 1897 г.

Ширяев. Россия и Черногория 1875—1889 г.г. Спб. 1889 г.

По истории Греции.

Mendelson-Bartholdy. Geschichte Griechenlands 2 Bande (1870—74).

Hertzberg. Geschichte Griechenlands (1879).

Е. А. Адамов. Великодержавная политика Греции и Великие державы (журнал «Новый Восток», Москва, 1923 г., № 2, стр. 160—181). Очерчена борьба различных течений в греческой дипломатии.

Об Албании.

Ровинский. Албанцы и албанское движение (Известия М-ва Иностранных Дел 1912 г., кн. VI, стр. 147—176).

Descamps. L'avenir de l'Albanie, II éd. Louvain. 1913.

J. Tomitsch. Les Albanais Paris. 1913.

V. Georgevitsch. Die Albanesen und die Grossmächte, Leipzig 1913.

О политике великих держав на Балканах после Берлинского конгресса до 1914 г.

А. А. Гирс. Россия и Ближний Восток, Спб. 1906 г Отражает взгляды русской дипломатии.

П. Н. Милюков. Балканский кризис и политика А. П. Извольского. Спб. 1910 г. Сборник статей, приложена библиография.

М. Н. Покровский. Внешняя политика. Москва, 1918 года.

Он же.—Три совещания. «Вестник Нар. Ком. Иностранных Дел», 1919 г., № 1.

Х. Г. Раковский и М. А. Рафаил. Ближневосточный вопрос. Харьков 1923 г. Изложение доведено до Лозаннской конференции 1923 г. В начале разбирается политика держав на Ближнем Востоке до 1914 г.

Е. В. Тарле. Англия и Турция. «Анналы» 1923 г. № III, стр. 21—71. Первые две главы посвящены британской политике в отношении Турции до 1918 года.

С. Сигрист. Русская дипломатия и Балканский Союз 1912—13 г.г. журнал «Русское прошлое» 1923 г. № 3, стр. 52—69.

Бутковский. Сто лет австрийской политики в восточном вопросе. Спб. 1888 г. Сильно устарело.

Sosnowsky. Die Balkanpolitik Oesterreich-Ungarns seit 1866. Leipzig 1913.

Fliegensmidt. Deutschlands Orientpolitik. Berlin 1913.

Много интересных замечаний в трудах: Bülow'a. Deutschlands auswärtige Politik (Berlin. 1914). Rewentlow. Deutschlands auswärtige Politik 1888—1913. Leipzig, 1914. Lémonon. L'Europe et la politique britannique. Paris 1909. Débidour. Histoire diplomatique de l'Europe depuis le Congrès de Berlin jusqu'à nos jours, 2 vls. 1878—1916, 3 éd., Paris 1920.

Опускаются труды по вопросу о проливах, который исключен из настоящего исследования. Не приведены также источники и литература Балканского вопроса, относящиеся к периоду после 1914 года.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Книгоиздательство «СЕЯТЕЛЬ» Е. В. Высоцкого.
Петроград, пр. Володарского (б. Литейный), 34. Телеф. № 5-47-76.

БИБЛИОТЕКА ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ.

Под редакцией проф. **Н. Г. ТАРАСОВА.**

ТОМ I.

Жизнь общества в первичных формах и сложных образованиях в Египте, Мессопотамии, Греции и Риме.

Составил Н. Г. Тарасов.

Стр. 251. Цена 2 р.

ТОМ II.

Формы организации труда и общества в эпоху преобладания натурального хозяйства.

Составили Н. П. Грацианский, Е. А. Мороховец и Н. Г. Тарасов.

Стр. 336.

ТОМ III.

Жизнь общества в эпоху океанической торговли, зарождения мировых рынков и капитализма.

Составили А. А. Деконский, К. В. Котрохов и Н. Г. Тарасов.

Печатается.

ТОМ IV.

Жизнь общества в эпоху новейшей мировой торговли, капиталистической промышлени. и развития социализма.

Составил Г. О. Гордон.

Стр. 336.

ТОМ V.

Капитализм и социализм. Экономические и государственно-правовые основы общества.

Готовится к печати.

Книгоиздательство «СЕЯТЕЛЬ» Е. В. Высоцкого.

Петроград, пр. Володарского (б. Литейный), 34. Телеф. № 5-47-76.

Проф. Н. И. КАРЕЕВ.

ОЧЕРКИ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ.

Стр. 268. Цена 1 р. 50 к.

Из отзывов печати:

„Несмотря на чрезвычайную актуальность изучения западно-европейской истории XIX века, у нас, как это ни странно, почти не имеется ни одной работы, трактующей предмет с точки зрения политико-экономии. „Очерки" проф. Кареева поэтому в значительной степени восполняют пробел.

„Изложенные в сжатой, популярной форме и вместе с тем строго научно, „Очерки" являются чрезвычайно ценным пособием. Следует отметить достаточную объективность проф. Кареева при изложении вопросов новейшей истории: развития европейского капитализма, превращения его в воинствующий империализм, роста пролетариата, развития социализма, причин возникновения мировой войны, краха второго интернационала и т. д.". *«Известия В. Ц. И. К.» от 23-VIII 1923 г.*

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

в историческом романе.

Стр. 154. Цена 90 к.

Содержание: Общие соображения об историческом романе.—Исторические романы Дюма.—„Мопра", „Манон" и „Кадио" Жорж Санд.—„Шуаны" и „Темное дело" Бальзака.—„Повесть о двух городах" Диккенса.—„Девяносто третий год" Виктора Гюго.—„История одного крестьянина" Эркмана Шатриана.—Романы Феликса Гра.—„Журдан-Головорез" Эрнеста Додэ.—„Канонисса" А. Тёрье.—Роман Анатоля Франса „Боги жаждут".—Революционные драмы Ромэна Роллана.

ДВЕ АНГЛИЙСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ XVII ВЕКА.

Стр. 271, Цена 1 р. 50 к.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

ФРАНЦУЗСКИЕ РАБОЧИЕ И КРЕСТЬЯНЕ В ЭПОХУ РЕВОЛЮЦИИ.

Книгоиздательство „СЕЯТЕЛЬ“ Е. В. Высоцкого.

Петроград, пр. Володарского (б. Литейный), 34. Тел. 5-47-76.

Проф. С. Г. ЛОЗИНСКИЙ.

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

ГРЕЦИЯ и РИМ.

Стр. 176. Цена 1 р. 10 к.

СОДЕРЖАНИЕ:

ГРЕЦИЯ: Древнейший период греческой истории. — Страна—Религия. — Господство земельной аристократии. — Эпоха великих законодателей. — Освободительные войны. — Рабство. — Расцвет Афинской демократии. — Пелопонесская война.—Эпоха упадка.—Македонский период.

РИМ: Борьба сословий.—Рим—великая держава.—Обострение социальной борьбы.—Падение республики.—Империя.—Распадение империи.

Проф. С. Г. ЛОЗИНСКИЙ.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ РОСТОВЩИКИ.

Стр. 158. Цена 90 к.

СОДЕРЖАНИЕ.

РИМСКАЯ КУРИЯ: Обложение духовных должностей.—Налоги.—Коллекторы.

МОНАСТЫРИ: Коммерческие привилегии церкви.—Земельное имущество монастырей. — Торговые предприятия монастырей. — Кредитные операции монастырей.

ДУХОВНО-РЫЦАРСКИЕ ОРДЕНА: Орден тамплиеров. — Орден госпитальеров. —Тевтонский орден.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

А. Олар.

Культ Разума и Верховного Существа

ВО ВРЕМЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

С. ГРОССМАН

ФЕРДИНАНД ЛАССАЛЬ

Перевод *А. Н. Карасика* под ред. *А. Г. Горнфельда.*

Книгоиздательство „СЕЯТЕЛЬ“ Е. В. Высоцкого.
Петроград, пр. Володарского (б. Литейный), 34. Тел. 5-47-76.

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ ТУРГЕНЕВА.

под ред. *Н. Л. БРОДСКОГО.*

Стр. 320. Цена 2 р. 75 к.

Содержание:

Предисловие Н. Л. БРОДСКОГО. *Н. А. Энгельгардт.* — Мелодика Тургеневской прозы. (Опыт анализа и обобщений). *К. К. Истомин.* — Роман «Рудин». (Из истории Тургеневского стиля). *М. А. Рыбникова.*—Один из приемов композиции у Тургенева. *М. П. Самарин.* — Тема страсти у Тургенева. *А. Белецкий.* — Тургенев и русские писательницы 30—60-х гг. *М. П. Алексеев.*—Тургенев и Марлинский. (К истории создания «Стук...стук...стук...»). *М. О. Габель.*—«Песнь торжествующей любви» (опыт анализа). *М. М. Клевенский.*—Литературные советники Тургенева. *А. Лаврецкий.*—Тургенев и Тютчев. *А. С. Долинин.*—Тургенев и Чехов. (Параллельный анализ «Свидания» Тургенева и «Егеря» Чехова).

ПЕЧАТАЕТСЯ:

Творческий путь Достоевского.

под ред. *Н. Л. БРОДСКОГО.*

СОДЕРЖАНИЕ.

В. Виноградов.—Сюжет и архитектоника романа Достоевского «Бедные люди» в связи с вопросом о поэтике натуральной школы.—*К. Истомин.*—Из жизни и творчества Достоевского в молодости. Введение в изучение Достоевского. *А. Гизетти.*—Гордые язычницы (к характеристике женских образов Достоевского). *М. Давидович.*—Проблема занимательности в романах Достоевского. *А. Скафтымов* Тематическая композиция романа Достоевского «Идиот». *Д. Дарский.*—Достоевский—мыслитель.

Книгоиздательство „СЕЯТЕЛЬ“ Е. В. Высоцкого.
Петроград, пр. Володарского (б. Литейный), 34. Тел. 5-47-76.

РОССИЯ и ЗАПАД В ПРОШЛОМ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

под редакцией *С. Ф. Платонова, А. Е. Преснякова и Е. В. Тарле.*

Редакция исторической библиотеки „Россия и Запад в прошлом“, ставя себе задачей изобразить в ряде очерков, основанных на научно-разработанном материале и изложенных в доступной форме, важнейшие моменты и явления западно-европейской и русской истории, будет, при случае, включать в эту серию также очерки по истории других народов. Вместе с тем, не ограничивая себя какими либо хронологическими рамками, Редакция позаботится о том, чтобы более подробно был освещен ближайший к нам период от середины 19-го века.

Е. В. ТАРЛЕ.—ЕВРОПА ОТ ВЕНСКОГО КОНГРЕССА ДО ВЕРСАЛЬСКОГО МИРА. Стр. 232.

Содержание: Европа от Венского конгресса до революционных движений 1848 года и реакции 1849 г.г.—Европа в 1851—1871 г.г.—Великие Европейские державы от 1871 года до образования Антанты.—Европа от образования Антанты до начала мировой войны.—Мировая война.

С. В. СИГРИСТ.—У ПОРОГА ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ. Балканы, как очаг европейских столкновений. Стр. 122.

Содержание: Проекты раздела Балкан.—Балканские государства до войны 1912—1913 г.г.—Возникновение Балканского Союза.—Война против Турции и отношение к ней великих держав.—Дипломатическое соперничество России и Австро-Венгрии.—Распад Союза, и вторая война.—Мирные трактаты 1913 г.—Новое государство — Албания.—Результаты балканских войн и положение к 1914 г.—Балканы и мировая война.

С. И. ТХОРЖЕВСКИЙ.—НАРОДНЫЕ ВОЛНЕНИЯ ПРИ ПЕРВЫХ РОМАНОВЫХ. Стр. 223.

Содержание: Наследие смуты.—Борьба общественных классов в смутное время.—Ликвидация смуты—судьба Заруцкого.—Мятеж 1648 г. и „Соборное Уложение“ 1649 г.:—Развитие социальных отношений в первой половине 17 века.—Восстание 1648 г. и его результаты.—„Уложение“ и его влияние на развитие социального строя. Разиновщина:—Шестидесятые годы на Москве и на Дону.—Бунт Стеньки Разина.

Е. КОЦ.—КРЕСТЬЯНСКИЕ ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ. (От Пугачевщины до революций 1905 г.).

Содержание: Экономическое положение крепостных крестьян в 18 веке и волнения приписных крестьян. Пугачевщина.—Крестьянские волнения при Павле.—Отечественная война.—Декабристы и отклики 14 декабря.—Экономическое положение крепостных крестьян в 19 веке.—Николаевская эпоха.—Движение в связи с манифестом 19 февраля 1861 г.—Крестьяне и революционное народничество.—Восьмидесятые годы.—Экономическое положение крестьян после реформы.—Движение в 1902—1903—1904 гг.—Весна и лето 1905 г.—Крестьянский союз.—Октябрьские дни 1905 г.—1906—1907 гг.

А. Н. ШЕБУНИН.—ЕВРОПЕЙСКАЯ КОНТР-РЕВОЛЮЦИЯ В I-ю ПОЛОВИНУ 19 ВЕКА. (Печатается).